

О. В. ТВОРОГОВ

К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве»

В литературе о «Слове о полку Игореве» достаточно прочно утвердилось мнение, что Мусин-Пушкинский сборник, содержащий «Слово», был написан в конце XV или в XVI в. Основанием для этой датировки являлись свидетельства лиц, видевших рукопись, а также суждения палеографов и лингвистов, определявших время переписки сборника по языковым фактам «Слова».

Но этой датировке явно противоречит то обстоятельство, что в начале сборника читался хронограф, который, судя по названию своему, сообщенному издателями «Слова»,¹ является хронографом XVII в. Впервые обратил на это внимание Е. В. Барсов. Он предположил даже, что список хронографа поздний, «по древности своего написания» восходивший ко времени не «ранее конца XVII или начала XVIII века», но что другие статьи сборника (включая «Слово») — «пришлетены к Хронографу, хотя и были написаны гораздо ранее, как это часто встречается в древнерусских сборниках».²

М. Н. Сперанский писал по тому же поводу: «Анализ сборника дал материал и для определения времени рукописи: Гранаграф — название Хронографа — ранее конца XVI в. встретиться не могло: это название 2-й редакции Хронографа, возникшей не ранее этого времени и законченной в 1617 году».³

А. С. Орлов, исходя из наличия хронографа в составе Мусин-Пушкинского сборника, пришел к мысли, что сборник этот — конволют. Он писал: «Точно так же и искаженный термин „Гранаграф“ не ведет еще к дате „XVI—XVII в.“, так как неизвестно, писана ли эта статья сборника общим почерком со „Словом“, по крайней мере — почерком одновременным. Произведения, возникшие не ранее второй четверти XV в. — Хронограф («Гранаграф») и „Временник“ — не представляют материала, однородного с остальными статьями сборника. . . Возможно, что обе эти половины сборника лишь механически были соединены в нем, будучи писаны разновременно».⁴ Мы видим, что А. С. Орлов, во-первых, обращает внимание лишь на «искаженный термин», тогда как с заглавием Хронографа 1617 г. заглавие Мусин-Пушкинского хронографа сближается не одним э т и м с л о в о м (см. ниже), а во-вторых, он не ставит вопроса

¹ Ироническая пѣснь о походе на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича. . . М., 1800, с. VII.

² Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I, М., 1887, с. 65.

³ М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. М., 1921, с. 353.

⁴ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. Издание второе. М.—Л., 1946, с. 51—52 (далее: Орлов. Слово).

о редакции хронографа: в середине XV в. была создана, согласно А. А. Шахматову,⁵ первая редакция Русского хронографа, тогда как в Мусин-Пушкинском сборнике, судя по заголовку, читалась иная, «вторая», редакция, созданная в 1617 г.

Считает Мусин-Пушкинский сборник конволютом и А. А. Зимин. Однако, по его мнению, составителем конволюта являлся сам А. И. Мусин-Пушкин: «„Слово“ было переписано полууставом и включено в сборник, составленный из хронографа редакции 1617 года, „Девгениева деяния“, похищенных листов Новгородской Первой летописи и двух статей из сборника с „Задонщиной“ (Повесть об Акире и Сказание об Индийской земле)».⁶

Тем не менее в подавляющем большинстве работ сборник со «Словом» без каких бы то ни было оговорок датируется XV—XVI вв. При этом часто ссылаются на Н. С. Тихонравова, будто бы на основании палеографических данных установившего дату рукописи.

Действительно, Н. С. Тихонравов, рассмотрев характерные отличия Мусин-Пушкинского издания от Екатерининской копии «Слова», предположил, что издатели колебались в прочтении некоторых букв (в частности, не всегда могли отличить *ѣ* от *ѡ*, *ѣ* и *ѡ* от *ѣ*). Но сходные начертания букв *ѣ*, *ѡ* и *ѣ* появляются только в скорописи. «Это обстоятельство, — пишет Н. С. Тихонравов, — заставляет отнести и самую рукопись не к XIV или XV веку, как сделали первые издатели, а разве к 2-й половине XVI в.». Далее Н. С. Тихонравов снова возвращается к этой мысли: «...нет возможности относить Пушкинскую рукопись „Слова“ к концу XIV или началу XV века. По всей вероятности, она относилась к концу XVI в.».⁷ Но примечательно, что образцы написаний, на основании которых Н. С. Тихонравов судит о возможности смешения названных букв, извлечены им из рукописей 1643 и 1691 гг. Таким образом, мнение, будто бы ученый безоговорочно указал именно на XVI век как на время создания сборника, не совсем точно: он говорил лишь о том, что по почерку сборник не может быть отнесен ко времени ранее конца XVI в.

Вопрос о дате Мусин-Пушкинского сборника сложен и не решается только на основании даты входящего в его состав хронографа или только на основании палеографических или орфографических черт «Слова». Целесообразно рассмотреть весь круг относящихся сюда вопросов: о составе Мусин-Пушкинского сборника, о соотношениях текста первого издания «Слова» с текстом Екатерининской копии, о языковых особенностях Мусин-Пушкинского списка «Слова». Наконец, следует обратиться к весьма противоречивым свидетельствам лиц, видевших рукопись. Лишь такое комплексное рассмотрение проблемы продвинет нас на пути к ее решению.

1. Состав Мусин-Пушкинского сборника

Как уже сказано, издатели перечислили памятники, входившие вместе со «Словом» в Мусин-Пушкинский сборник. Первым был назван хронограф, озаглавленный: «Книга глаголемая Гранаграфъ (Хронографъ),

⁵ Сейчас дата создания хронографа отодвинута на рубеж XV—XVI вв., — см.: Б. М. Клосс. О времени создания русского Хронографа. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971.

⁶ А. Зимин. Когда было написано «Слово»? — ВЛ, 1967, № 3, с. 151. Упомянутый здесь сборник с «Задонщиной» — это рукопись ГБЛ, собр. Ундольского, № 632 (см. о ней в той же статье А. А. Зимина, — с. 141). Однако в этой рукописи находится не первая (как в Мусин-Пушкинском сборнике), а третья редакция Повести об Акире и более поздняя редакция Сказания об Индийском царстве.

⁷ Слово о полку Игореве. Издано для учащихся Николаем Тихонравовым. Издание второе, исправленное. М., 1868 (далее: Тихонравов. Слово), с. VI и IX.

рекше начало писменомъ царскихъ родовъ отъ многихъ лѣтописецъ; прежде о бытіи, о сотвореніи міра, отъ книгъ Моисеовыхъ и отъ Иисуса Навина, и отъ Судей Иудѣйскихъ, и отъ четырехъ Царствъ; такъ же и о Асирійскихъ Царехъ, и отъ Александрія, и отъ Римскихъ Царей, Еллинъ же благочестивыхъ, и отъ Рускихъ лѣтописецъ, Сербскихъ и Болгарскихъ».⁸ Этотъ заголовокъ позволяетъ намъ точно установить, какой именно хронографъ читался в составѣ Мусин-Пушкинскаго сборника. Это не могъ быть Хронографъ редакцій 1512, 1599 или 1601 г., ихъ заголовки начинаются иначе: ⁹ «Прилог, сиречь собрание отъ многихъ летописецъ отъ Бытіи о сотвореніи міра. . .», но далее сходно: «. . . и отъ ассирійскихъ царей, и отъ Александрія, и отъ римскихъ царей, еллинъ же и благочестивыхъ. . .».¹⁰

Хронографъ Западнорусской редакціи, созданной в серединѣ XVI в., озаглавлен: «Повесть объ Александре Македонскомъ и о хожденіи его. . .»; следовательно, заголовокъ данной редакціи также не можетъ быть сопоставленъ с заголовкомъ Мусин-Пушкинскаго хронографа.

Значительно ближе къ заголовку хронографа Мусин-Пушкинскаго сборника заголовокъ Хронографа редакціи 1617 г. Онъ существуетъ в четырехъ вариантахъ. Списки древнейшаго вида озаглавлены: «Книга, глаголемая Гранографъ, рекше начало писменомъ царскихъ родовъ, отъ многихъ летописецъ, прежде отъ бытіи о сотвореніи міра. . . и отъ четырехъ Царствъ, та же и отъ асирійскихъ царехъ и отъ Макидоніи, и отъ римскихъ царехъ, еллинъ же и благочестивыхъ. . .». В позднихъ спискахъ заглавіе несколько варьируется. Такъ, во второмъ вариантѣ заголовка после словъ «глаголемая Гранографъ» добавлено «иже суть в книзе сей», в третьемъ вариантѣ в отличіе отъ перваго опущены слова «и отъ Макидоніи, и отъ римскихъ царехъ», в четвертомъ началу сходно с началомъ втораго варианта, но такъ же, какъ и в третьемъ, опущены слова: «и отъ Макидоніи, и отъ римскихъ царехъ».

Заголовокъ Мусин-Пушкинскаго хронографа близокъ заголовку перваго варианта, однако вместо «отъ Макидоніи» здѣсь читается «отъ Александрія». Зато обратившись къ спискамъ Распространенной редакціи 1617 г., мы обнаружимъ, что ее заголовокъ полностью совпадаетъ с заголовкомъ Мусин-Пушкинскаго хронографа, включая слова «отъ Александрії».¹¹ Можно предположить себе путь сложения заголовка Распространенной редакціи. Она образовалась в результатѣ дополненія текста Основной редакціи Хронографа 1617 г. по списку Хронографа 1599 или 1601 г. Вероятно, при слянии этихъ двухъ редакцій и произошла замена словъ «отъ Макидоніи» (какъ в Основной редакціи Хронографа 1617 г.) словами «отъ Александрія», какъ в Хронографѣ 1599 или 1601 г.

Итакъ, не остается сомнѣній, что в Мусин-Пушкинскомъ сборникѣ читался Хронографъ Распространенной редакціи 1617 г. или какой-либо иной хронографъ, заимствовавшій у этой редакціи ее названіе.¹² Сейчасъ

⁸ Ироническая пѣснь. . ., с. VII. Заголовокъ приводится в орфографіи изданія.

⁹ Этотъ и прочіе заголовки приводятся в несколько «унифицированной» формѣ; ибо, какъ увидимъ далее, с хронографами XVII в. Мусин-Пушкинскій хронографъ сближается не однимъ-двумя словами, а целымъ реченіемъ. Попутно заметимъ, что терминъ «хронографъ» («гранографъ») былъ известенъ и редакціи 1512 г.: см. заголовки вводныхъ статей и оглавленія в списке этой редакціи (БАН, 34.4.32): «Главы книга сия, глаголемая Гранографъ», «Предисловіе книзе, глаголемей Хронографъ».

¹⁰ Смыслъ этихъ словъ таковъ: повествуется о «римскихъ царяхъ», т. е. о царяхъ и императорахъ Рима и византійскихъ императорахъ, при этомъ какъ о языческихъ («еллинахъ»), такъ и христианахъ — «благочестивыхъ». В позднихъ спискахъ хронографовъ текстъ часто искажался и читалось — «еллинъ же благочестивыхъ».

¹¹ См., напримеръ, списки этой редакціи: БАН, Арханг., С 132; ГПБ: Ф. IV. 104; Ф. IV. 154; собр. Вяземскаго, Ф. III; собр. Погодина, № 1446; собр. ПДА, А 1/20 и др.

¹² Эта оговорка необходима потому, что такіе заимствованія встречаются, но ясно, что оно не могло произойти ранее, чемъ это названіе впервые употребилъ Хронографъ Распространенной редакціи 1617 г.

нет возможности точно определить время создания Распространенной редакции, но ясно, что она, основанная на одном из вторичных видов Основной редакции 1617 г.,¹³ не могла быть создана раньше 20-х годов XVII в. Следовательно, рукопись Мусина-Пушкина могла быть переписана (или составлена, если она конвюлют) не ранее первой четверти XVII в.

Продолжим рассмотрение состава Мусин-Пушкинского сборника.

После хронографа в нем читалась летопись, озаглавленная: «Временник, еже нарицается летописание русских князей и земля Рускыя». Д. С. Лихачев указал на чрезвычайную близость этого заголовка к заголовку Новгородской первой летописи Младшего извода.¹⁴

Кроме хронографа, летописи и «Слова», в состав Мусин-Пушкинского сборника входили три повести: Повесть об Акире Премудром, Сказание об Индийском царстве и Девгениево деяние.

Крайне важно отметить, что все названные памятники или вообще редко встречаются в древнерусской письменности, или представлены в сборнике своими древнейшими и малораспространенными редакциями. Древнейшая редакция Повести об Акире Премудром известна сейчас только в трех списках, два из которых принадлежат XV веку; при этом заголовок Повести в Мусин-Пушкинском сборнике полностью совпадает с заголовком в старшем из известных ныне ее списков (ГБЛ, собр. ОИДР, № 189).¹⁵

Сказание об Индийском царстве сохранилось в нескольких десятках списков. Однако еще М. Н. Сперанский¹⁶ доказал, что в Мусин-Пушкинском сборнике читалась древнейшая редакция Сказания, неизвестная ныне ни в одном списке: мы знаем о ее существовании лишь по извлечениям, вошедшим в состав «Александрии» второй редакции, да по краткому описанию некоторых сюжетных мотивов, сделанному Н. М. Карамзиным по Мусин-Пушкинскому списку.

Третий памятник — Девгениево деяние — обнаружен сейчас только в трех списках XVII—XVIII вв., хотя сюжет повести несомненно был известен на Руси по крайней мере в XIII в. В. Д. Кузьмина установила, что в Мусин-Пушкинском сборнике читалась старшая из известных ныне редакций Деяния.¹⁷

Итак, состав Мусин-Пушкинского сборника оставляет вопрос о его дате нерешенным; наличие в нем Распространенной редакции Хронографа 1617 г. безусловно указывает на XVII век, но повести, окружающие «Слово», представлены в своих древнейших редакциях и позволяют предполагать у этой части рукописи более архаичный оригинал.

Но прежде чем решать вопрос о дате сборника, обратимся к наблюдениям над орфографическими чертами текста «Слова», ибо традиционная датировка рукописи XV—XVI вв. не возникла как досужее предположение, а основывалась на наблюдениях лингвистов и палеографов над языковыми фактами «Слова».

¹³ См. об этом: О. В. Т в о р о г о в. О Хронографе редакции 1617 г. — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 176.

¹⁴ Д. С. Л и х а ч е в. О русской летописи, находившейся в одном сборнике со Словом о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947.

¹⁵ О списках Повести см. в главе «Переводная беллетристика XI—XIII вв.» в кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 163—180.

¹⁶ М. Н. С п е р а н с к и й. Сказание об Индийском царстве. — ИПОРЯС, т. III, 1930, кн. 2, с. 163—180.

¹⁷ См.: В. Д. К у з ь м и н а. Девгениево деяние. (Деяние прежних времен храбрых человек). М., 1962.

2. Палеографические и орфографические черты «Слова о полку Игореве»

Орфография памятника весьма показательна для датировки его списка, ибо она подвержена изменениям в гораздо большей степени, чем грамматический строй или лексический состав произведения.¹⁸ Но при рассмотрении орфографии «Слова» мы сталкиваемся с одной специфической трудностью: у нас нет уверенности, что первое издание точно передает текст оригинала. Правда, А. Ф. Малиновский заверял, что издатели воспроизвели оригинал «буква в букву», но сомнения в объективности этой оценки возникают при сопоставлении текста первого издания (далее: *П*) и Екатерининской копии «Слова» (далее: *Е*), — между ними насчитывается около 300 расхождений. Причины этих отличий по-разному объяснялись исследователями. Н. С. Тихонравов, например, полагал, что начертания некоторых букв в оригинале были сходны, и это будто бы допускало их двойное истолкование;¹⁹ И. И. Козловский писал, что «опытность» А. И. Мусина-Пушкина «в чтении рукописей и его познания в древнерусском языке» в то время, когда создавалась Екатерининская копия, «были еще более ограничены, чем впоследствии».²⁰ Ф. И. Буслаев считал, что «правописание „Слова о полку Игореве“ дошло до нас в самом и с к а ж е н н о м (разрядка автора, — *О. Т.*) виде, как потому, что оно было подновлено и попорчено в рукописи XV или XVI стол., так и потому, что ни писец Екатерининской копии, ни издатель 1800 года с своими помощниками не умели во всей точности передать старинную рукопись».²¹ Неточности в транскрипции первого издания в той или иной степени допускали Е. В. Барсов,²² П. В. Владимиров,²³ А. С. Орлов,²⁴ Н. К. Гудзий²⁵ и другие исследователи.

Эта точка зрения особенно укрепилась после того, как Д. С. Лихачев, проанализировав принципы издания А. И. Мусиным-Пушкиным «Поучения» Владимира Мономаха, убедительно доказал, что издатели конца XVIII в. существенно изменяли орфографию подлинников, приравнивая ее к орфографии своего времени или к орфографии книг церковной печати.²⁶

¹⁸ Под палеографическими чертами «Слова» я понимаю различные приемы начертания слов (употребление титулов, выносных букв, различных написаний одной и той же буквы и т. д.), под орфографическими — выбор определенных букв, ибо употребление *ѣ* или *е*, *и* или *і*, *о* или *ω* (независимо от возможного тождества обозначаемых ими звуков) диктовалось определенными правилами правописания.

¹⁹ Тихонравов. Слово, с. VI.

²⁰ И. И. К о з л о в с к и й. Палеографические особенности погибшей рукописи Слова о полку Игореве. — Древности. Труды имп. Московского археологического общества, т. XIII, 1890, вып. 2, с. 4.

²¹ Ф. Б у с л а е в. Русская хрестоматия. М., 1870, с. 91 (второе издание «Исторической хрестоматии»). Любопытно, что в первом издании «Хрестоматии» Ф. Буслаев иначе датировал сборник («Вообще должно заметить, что соединение древнейших признаков языка и правописания с позднейшими свидетельствует ясно, что этот памятник дошел до нас в позднейшем списке (XIV—XV в.), переписанном с древнейшего оригинала») и в иных выражениях оценивал труд издателей: он допускал, что «вкрались в печатный текст некоторые неточности» и что «некоторые подновления, вероятно, внесены первыми издателями» (Ф. Б у с л а е в. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 595—596).

²² Е. В. Б а р с о в. Слово о полку Игореве. . . , т. I, с. 91—99.

²³ П. В. В л а д и м и р о в. Слово о полку Игореве, вып. I. Киев, 1894, с. 16—17.

²⁴ Орлов. Слово, с. 54—63.

²⁵ Н. К. Г у д з и й. Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, с. 34—37.

²⁶ Д. С. Л и х а ч е в. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957 (далее Лихачев. История подготовки).

Тем не менее существует иная точка зрения. Ее последователи, доверяя словам А. Ф. Малиновского, что текст «Слова» издавался «буква в букву», и буквально понимая свидетельство Н. М. Карамзина, что издание, за исключением добавленного в скобках слова «Олга», точно соответствует оригиналу, считают, что в первом издании буквально воспроизведен древнерусский текст.

Так, например, А. Смирнов объяснял все разночтения *И* и *Е* тем, что в издании текст отражает оригинал (с присущим ему орфографическим разнообразием), а в *Е* мы имеем дело с копией, сделанной «второпях, без внимания к правописанию и разделению слов».²⁷ В наше время о тщательности первого издания, «о строгой проверке транскрипции» писала М. В. Щепкина.²⁸

Но, как мы увидим далее, в изданиях древнерусских текстов, осуществленных в конце XVIII—начале XIX в., постоянно встречаются «исправления» и подновления, ошибки прочтения и, наконец, немалое число опечаток, что заставляет усомниться также в точности воспроизведения текста «Слова» со всеми его орфографическими особенностями.

Разумеется, с изменениями орфографии подлинника, с тем или иным ее упрощением мы встречаемся и в современных научных публикациях. Широко практикуются замены вышедших из употребления букв (*ѣ*, *і*, *юсов*, *омеги* и др.), раскрываются титла, вносятся в строку выносные буквы, опускаются конечные *ъ* и т. д., но все эти изменения проводятся по строгой системе и специально оговариваются издателями.²⁹

Если бы в изданиях XVIII в. дело обстояло так же, наша задача была бы относительно простой: потребовалось бы лишь понять принципы изменения текста при публикации и реконструировать его первоначальный вид. Но, к сожалению, наряду с систематическими «исправлениями» текста (например, с исправлениями по правилам церковнославянских изданий) мы обнаруживаем в публикациях XVIII в. множество произвольных, противоречивых изменений орфографии (а в отдельных случаях — даже грамматики и лексики) источника. Создается впечатление, что дело не в недостаточной квалификации или небрежности издателей, а в том, что орфография подлинника представлялась им чем-то мало существенным сравнительно с его содержанием и вопросу о точном ее воспроизведении (или о единообразном изменении) не придавалось должного значения.³⁰

Рассмотрим, например, академическое издание Воскресенской летописи.³¹ Издатели его крайне непоследовательны в передаче текста, хотя, бесспорно, пытались придерживаться определенных принципов в орфографической модернизации оригинала.

Так, внося в строку выносные согласные на конце слов, издатели, как правило, ставят после них *ъ*; добавляется *ъ* и после предлогов, однако

²⁷ А. Смирнов. О Слове о полку Игореве. II. Пересмотр некоторых вопросов. — Филологические записки, Воронеж, 1877, вып. III, с. 7.

²⁸ М. В. Щепкина. К вопросу о правописании рукописи «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 95; ср. также: М. В. Щепкина. К вопросу о разночтениях Екатерининской копии и первого издания «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 76.

²⁹ См.: Р. П. Дмитриева. Проект серии монографических исследований изданий памятников древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955.

³⁰ Д. С. Лихачев писал, что приемы передачи текста в изданиях конца XVIII в. «крайне неустойчивы, разнообразны и произвольны. Изучение их в будущем потребует много труда, но вряд ли представит интерес для исследования публикаторских приемов первых издателей „Слова“» (см.: Лихачев. История подготовки, с. 67). Однако, как мы увидим далее, практика публикаций XVIII в. все же помогает нам до некоторой степени представить ту обстановку, в которой вырабатывали свои принципы издатели «Слова».

³¹ Русская летопись с Воскресенского списка. . . , т. I. СПб., 1793.

в этом последнем случае мы встречаемся с большим количеством исключений (например: *в нашей, в березѣхъ, в Затоуѣхъ* и т. п.).

Если слово написано в оригинале с паерком, то издатели, как правило, передают паерок буквой ъ: *соз'ва — созъва, послан'ми — посланъми, владал'ца — владалъца* и т. д.³² Но в отдельных случаях они от этого правила отступают: то не ставят никакого знака (*правед'нику — праведнику*), то, буквально на соседних строчках и в сходных словах, передают паерок по-разному: *скон'ча — сконъча; скон'чася — сконъчася*.

Непоследовательность издателей отразилась на передаче формы *быс* (*бысть*), которая воспроизводится то как *бысь*, то как *бысъ*, то как *бысть*.

Значителен разнобой при передаче слов с сочетаниями редуцированных с плавными. Например, по-разному передаются написания слова «черниговский»: *чръниговьскіе — черъниговьскіе; чръниговьскіи — черъниговьскіи, чръниговьскыи — чръниговьскыи; черъниговьскыи — черъниговьскыи*; в отдельных случаях точно воспроизводится написание оригинала. Мы видим, что какой-либо системы в передаче даже одного и того же слова обнаружить не удастся. Аналогичная картина и в воспроизведении имен с компонентом *-полк*: *Яроплѣкъ — Ярополкъ, Святоплѣка — Святополка, Святоплѣкъ — Святополкъ, Святоплѣкъ — Святополкъ*.

Нередки случаи замены ѣ на е и, наоборот, — е на ѣ; например: *врѣмя — еремя* (на той же странице издания слово *врѣмена* написано, как и в рукописи, через ѣ), *сѣде — седѣ, перевоз'никъ — перѣвоз'никъ, поехати — поѣхати, телѣгу — телегу, печенѣзи — печенежи, словены — словѣны*; в слове *теломъ* (вопреки орфографии XVIII в.) сохранено написание с е.

Букву ж оригинала издатели передают то как у (*Авгжста — Августа*), то как ю (*ржскую — рускую, родж — родю*).

Во многих случаях трудно решить, что перед нами — описка сотрудника, готовившего рукопись к набору, опечатка или осмысленное «исправление». Например: *Пруская — Пруская, собя — себя, нѣсть — нынѣ, по Володимирѣ — по Володимерѣ, яже — еже, живяше — живяже, языку — ѣзыку, бѣлии — бѣли, братъ — братѣ, зѣбрь — зѣбрь; на одной и той же странице по-разному передано название хазар: казаръ — козаръ, козари — казари*.

Итак, с одной стороны, наблюдается стремление осмыслить особенности орфографии рукописи (например, попытка во всех случаях передать паерок буквой ъ), воспроизвести оригинал точно, не исправляя его и в тех случаях, когда налицо порча текста (*от своей поля* вместо *от своей воля; дань кову* вместо *дань нову* и т. д.), а с другой — крайняя непоследовательность в написании даже одного и того же слова в соседних фразах. И при этом оригинал написан очень четким полууставом, так что объяснять ошибки трудностями прочтения нет никаких оснований. Издание Воскресенской летописи едва ли может быть названо «сравнительно очень точным», как определил его в свое время Н. К. Гудзий.³³

Итак, изменение орфографии подлинника, то произвольное, а то приведенное в соответствие с орфографией изданий церковнославянской печати, было типичным для издателей конца XVIII в. Г. Н. Моисеева, исследовавшая принципы издания древнерусских текстов Н. И. Новиковым, показала, что он в публикациях древнерусских текстов в соответствии с церковнославянской орфографией выставлял *i* вместо *и*, употреблял *ѣ*, опускал *ѣ* в середине слова и, напротив, вставлял *ѣ* для обозначения

³² В примерах первое слово взято из оригинала летописи (рукопись БАН, 34.5.24), второе — из издания.

³³ Н. К. Г у д з и й. Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве», с. 36.

ния мягкости, написания редуцированного в сочетании с плавным заменял сочетаниями с гласными полного образования и т. д.³⁴ При сопоставлении изданной Н. И. Новиковым грамоты новгородцев к князю Борису Александровичу с оригиналом обнаруживаются, например, следующие отличия: *а на — на, г(осподи)не — господинъ*,³⁵ *великии — великии, (А)лександрович — Александровичъ, челуи — цѣлуи, кр(ес)тъ — хрестъ, ко всем — всему, Тферью — Тверью, новгородчкои — новгородскои, отцинѣ — отцынѣ, бѣжичкым — бежицкимъ* (но далее: *бѣжичкои — бежичкои*), *рубежь — рубежъ, новгорочкои — новгорѣдскои, стары — старыи, разбоиника — разбоиника*, и т. д.³⁶

Та же свобода в отношении к орфографии оригинала наблюдается и у Н. М. Карамзина при цитировании им источников в «Истории государства Российского» (т. е. уже в начале XIX в.). Специально исследовавший этот вопрос Л. А. Дмитриев пишет: «Вне зависимости от времени рукописи Н. М. Карамзин раскрывает титла, вносит в строку выносные буквы, ж в зависимости от смысла слова передает как „у“ или „ю“. . . В предлогах и на концах слов в соответствии с орфографическими нормами своего времени ставит „ъ“ и в тех случаях, когда в оригинале этого нет. . . Согласно орфографическим правилам начала XIX в., „и“ оригиналов заменяется на „і“ . . . Н. М. Карамзин заменяет „е“ на „ѣ“, „ь“ на „ъ“, и наоборот». Далее Л. А. Дмитриев приводит примеры и более существенных изменений оригинала: случаи перестановки слов, изменения грамматических форм (*стояше — стояша; а коровѣмъ — а коровымъ*), пропуски, вставки или даже примеры частичного изменения структуры фраз (например, вместо «яко при Фаравонѣ, цари Еюпетьстѣмъ, еда приведоша Моисѣя предѣ Фаравона и рѣша старѣшина Фараона» в «Истории» читается: «яко при Фараонѣ: еда приведоша Моисея предѣ Фараона и рѣша старѣшины»).³⁷

Напомню о полемике вокруг принципов издания текстов, развернувшейся в конце XVIII—начале XIX в. Г. Н. Моисеева привела фрагмент из рецензии на «Древнюю российскую вивлиофику», опубликованной в «Санктпетербургских ученых ведомостях» на 1777 г. Н. И. Новикова (П. Н. Берков полагал, что автором рецензии мог быть сам Новиков), где, в частности, выдвигается требование, «чтобы древнее правописание не было изменяемо на новое, а напротив, чтобы ничего прибавляемо, убавляемо или поправляемо не было, но печатано было бы точно так, как обретается в подлиннике». ³⁸ Позднее, уже в начале XIX в., к этому же вопросу специально обратился А. Н. Оленин. Указывая на сложность и преждевременность создания «Сводного толкового летописца», он предлагал: «Выбрав лучшие и надежнейшие наши рукописные летописи и другие исторические отрывки, начнем их печатать слово в слово, сохраняя в сем издании самую мелочную точность, особенно же в правописании и в препинаниях». Для этого, по мнению автора, необходимо изготовить недостающие в гражданском шрифте буквы (для зело, йотированных гласных,

³⁴ Г. Н. Моисеева. Литературные и исторические памятники Древней Руси в изданиях Н. И. Новикова. — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 289—292.

³⁵ В круглых скобках — восполненные буквы: в оригинале слово под титлом. Характерно, что далее подобное же написание передано как *господине*.

³⁶ Сличение производилось по изданию: Древняя российская вивлиофика. . . , ч. I. Издание второе. М., 1788. Древнерусский текст цитируется по дипломатическому изданию А. А. Шахматова (А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. — В кн.: Исследования по русскому языку. СПб., 1895).

³⁷ Л. А. Дмитриев. Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 42.

³⁸ См.: Г. Н. Моисеева. Литературные и исторические памятники. . . , с. 292—293.

юсов), продумать, как обозначать слова, которые «в подлинниках находятся писанными под титлою», но в то же время разделять текст на слова, облегчая тем самым его понимание. А. Н. Оленин предлагает далее сохранять пунктуацию оригинала: знаки препинания «ставить точно против подлинников, как бы сия расстановка не казалась бестолковою», и снова подчеркивает, что «избегать должно всякого могущего быть нареkania в каком-либо существенном отступлении от подлинников». А. Н. Оленин приводит в своей статье также мнение палеографа А. И. Ермолаева, призывающего издавать памятники «с самою строжайшею точностью, не только в правописании, но даже и в препинаниях».³⁹

Итак, принцип буквального воспроизведения древнерусских текстов явился предметом специального рассмотрения в начале XIX в., содержащаяся в той же статье критика изданий летописей, предпринятых в конце XVIII в., — Кенигсбергской летописи и Новгородского летописца (т. е. Академического списка Новгородской I летописи), — показывает, что орфографический «произвол» был теперь осознан и решительно осужден. Об актуальности вопроса, поднятого в статье А. Н. Оленина, можно судить по дневниковой записи К. Ф. Калайдовича: «21 февраля был я утром у профессора Тимковского. Разговаривали о новом сочинении: Краткое рассуждение об издании полного собрания русских деиспителей, помещенном в 7 № Сына Отечества 1814 года. Отдавая всю честь господам Оленину и Ермолаеву, которые мне известны не по одному имени (трудившимся в начертании сего плана), я соглашался с господином профессором, моим учителем в исторической критике, что их намерение сохранить от гибели древние рукописи весьма похвально, но что люди, не учившись постепенно сему искусству, никогда не могут иметь совершенных понятий о сем деле, что они, желая общей пользы в издании Нестора и других исторических источников, бросаются в большие крайности, к чему ведет сохранение точности в препинаниях, когда мы знаем, что оно в рукописях служило только произвольным отделением слов и речений? К чему послужат сокращения, для коих совсем не предписаны правила в древних наших рукописях? Они собьют только читателя и сделают пестроту, большую той, какая замечена Олениным и Ермолаевым в Чеботаревском Несторе; напротив, искусная расстановка слов будет вести точно к тому труду, какой назначил для себя проф. Тимковский в теперешнем при обществе издании сего древнейшего летописателя. Итак, вместо двух трудов, буквального Нестора с сохранением препинаний и сокращений подлинника и объясненного Нестора, они в след за первым должны будут издать очищенный Несторов список помощью вариантов и искусно поставленных препинаний. Без сего труда к чему послужит их буквальный? Он собьет с пути грамотных и неграмотных».⁴⁰

И действительно, издание Лаврентьевской летописи, приготовленное Р. Ф. Тимковским,⁴¹ — явление исключительное не только для своего времени, но, пожалуй, и для всей первой половины века. Сверка его с оригиналом показала, что издание это отвечает самым строгим требованиям современной научной публикации. С одной стороны, в нем точно воспроизводятся подлинник (единственная черта, внесенная издателем, — постановка *ъ* или *ь* после вносимых в строку согласных), с другой стороны —

³⁹ А. Н. О л е н и н. Краткое рассуждение о издании полного собрания русских деиспителей. — *Сын отечества*, 1814, ч. 12, № 7, с. 11—14.

⁴⁰ «Записки важные и мелочные К. Ф. Калайдовича». — В кн.: *Летописи русской литературы и древностей*, издаваемые Н. Тихонравовым, т. III. М., 1861, с. 94—95.

⁴¹ *Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия*. Издание профессора Тимковского, прерывающееся 1019 годом. Напечатано при Обществе истории и древностей российских. М., 1824.

оно лишено того излишнего (для нелингвистических изданий) педантизма, за который ратовал А. Н. Оленин: титла раскрыты, расставлены современные знаки препинания и прописные буквы, в текст внесены незначительные исправления, тщательно оговоренные в подстрочном аппарате.

А. И. Мусин-Пушкин и его сотрудники всецело еще принадлежали издательским традициям XVIII в. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим издание «Поучения» Владимира Мономаха, осуществленное А. И. Мусиным-Пушкиным за 7 лет до издания «Слова».⁴²

Издание это, как отметил Д. С. Лихачев, по типу своему напоминает последующее издание «Слова»: «. . . тот же формат, та же система примечаний внизу страницы под чертой и та же параллельная подача текста и перевода в две колонки, но разными шрифтами».⁴³ Единственное, но весьма существенное различие обоих изданий заключается в том, что текст «Поучения» был издан церковнославянским, а текст «Слова» — гражданским шрифтом.

Д. С. Лихачев отметил значительные различия между оригиналом «Поучения» и его изданием и справедливо объяснил их тем, что «издатели довольно решительно приравнивали текст „Поучения“ к орфографической системе церковнославянской печати второй половины XVIII в.», хотя «решительность этого приравнивания не была. . . одинаково последовательной во всех случаях».⁴⁴

Так перед нами возникает вопрос: существовала ли при передаче текста «Поучения» особая, осмысляемая издателем система принципов, по которой следует воспроизводить древний текст, или же такой системы вообще не существовало (как это можно заметить в издании Воскресенской летописи).

При сопоставлении издания «Поучения» с оригиналом обнаруживаются следующие различия:

1) при внесении в строку выносной согласной (на конце и в середине слова) в издании после нее, как правило, выставляется *ѣ*: *всѣх* — *всѣхъ*, *помыслих* — *помыслихъ*, и т. д.;⁴⁵

2) буквы *ѣ* и *ь* в середине слова добавляются или опускаются в соответствии с орфографией XVIII в.: *въздѣю* — *вздею*; *болнаго* — *больнаго*, *покаявъся* — *покаявся*, *новгородское* — *новгородское*, *изымаша* — *изымаша* и т. д.;

3) после предлогов обычно выставляется *ѣ*: *в—вѣ*, *к—кѣ* и т. д.;

4) конечный *ь* регулярно заменяется в издании на *ѣ*: *приметь* — *приметьѣ*, *своемъ* — *своемѣ*, *конецъ* — *конецѣ* и т. д.;

5) буквы *о* и *ѡ* расставляются согласно правилам печатных изданий церковнославянских текстов,⁴⁶ *ѡ* заменяется на *о*, а *о* на *ѡ*: *ѡже* — *оже*, *ѡць* — *отець*, *ловы* — *ловы*, *толко* — *только*, *мало* — *мало* и т. д.;

6) соответственно церковнославянской орфографии расставляются буквы *е* и *ѣ*: *санех* — *санѣхъ*, *смѣренье* — *смеренье*, *кленитесь* — *клѣнитесь*, *сторожѣ* — *стороже*, *вежѣ* — *еже*, *боле* — *болѣ* и т. д.

Кроме того, мы встречаем и другие изменения текста: *ж* заменяется на *жд* (*побѣжает* — *побѣждаетъ*, *присужено* — *присуждено*), *о* на *а*

⁴² Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи Суздальской Поученье. СПб., 1793.

⁴³ Лихачев. История подготовки, с. 68.

⁴⁴ Там же, с. 68.

⁴⁵ Здесь и далее первое слово воспроизводит написание оригинала, а второе — текст издания.

⁴⁶ Эта традиция была прослежена по изданию Библии (М., 1790) и Алфавита духовного (СПб., 1792), а также по грамматике Ф. Поликарпова (Грамматика. М., 1721; см.: Т. А. Бывкова и М. М. Гуревич. Описание изданий, напечатанных кириллицей, 1689—январь 1725. М.—Л., 1958, с. 221—223, № 135).

(*розноличнии* — *разноличнии*), *ы* — на *и* (*пакы* — *паки*), *ю* — на *у* (*душу* — *душу*, *възношуся* — *взношуся*); хотя использованный в издании церковнославянский шрифт дает возможность различать *ѣ* и *ѧ*, издатель не воспроизводит особенности оригинала, а расставляет эти буквы в соответствии с правилами церковнославянской орфографии: через *ѣ* пишется слово *яко*, а также *ястреб*, во всех прочих случаях буква *ѣ* оригинала передается через *ѧ*: *даѣѧ* — *даѧ*, *оупокоѣѧ* — *оупокоѧ* и т. д.

Итак, несмотря на черты, указывающие, по первому впечатлению, на сохранение древнерусской орфографии (употребление титлов, букв *ѣ*, *ѧ*, *ѡ*, *ѳ* и т. д.), текст «Поучения» в издании А. И. Мусина-Пушкина существеннейшим образом изменен. В этих изменениях проводятся по существу две «системы»: приноровление орфографии «Поучения» к орфографии книг церковной печати (отсюда взаимные замены *о* и *ѡ*, *ѣ* и *е*) и орфографическая нивелировка (постановка *ѣ*, замена *ѣ* на *ѣ*, *е*, *с* на *з*, *к* на *г*: *бес* — *без*, *умякчить* — *умягчить* и т. д.). Но при этом обе системы проведены недостаточно последовательно, например, мы встречаем в издании написания *такѡ* (не *такѡ*), *вдовицу* (не *вдовицу*), *ѣѣки* (не *ѣѣки*) и т. д., что разрушает представление о единообразии изменений и создает опасную иллюзию точного следования подлиннику. В примере с «Поучением» мы, к счастью, имеем возможность разрушить эту иллюзию, сверив издание с оригиналом; с изданием «Слова» дело обстоит значительно сложнее.

* * *

Но не могло ли случиться так, что издание «Слова» было исключением из общего правила: А. И. Мусин-Пушкин и его сотрудники смогли преодолеть ошибки, типичные для других изданий конца XVIII и начала XIX в.?

Рассмотрим в этой связи свидетельства А. Ф. Малиновского и Н. М. Карамзина.

Во введении к своему изданию «Слова» Д. Дубенский писал: «От издателей А. Ф. Малиновский утвердил мнение, Мусин-Пушкиным свету сообщенное, — именно, что подлинная рукопись, с которой печатали первое издание буква в букву, принадлежала к концу XIV в.»; к этим словам Д. Дубенский делает следующее примечание: «Редактор незадолго до кончины незабвенного любителя наших древностей, не бывши еще членом Общества (Общества истории и древностей российских, — О. Т.) и ему лично известным, имел счастье быть у первого редактора Слова о П. Иг. А. Ф. Малиновского; с чувством истинного уважения говорил он об этом творении, горько жаловался на критиков, и завещал (так случилось!) выставить этот самый век подлинной рукописи».⁴⁷

Итак, слова А. Ф. Малиновского переданы Д. Дубенским по памяти по крайней мере года через четыре после их беседы (А. Ф. Малиновский умер в 1840 г.). При этом весь пафос слов А. Ф. Малиновского вовсе не в утверждении *т о ч н о с т и* воспроизведения текста «Слова», а в утверждении *д а т ы* рукописи. К тому же патетический стиль высказывания (если он правильно передан Д. Дубенским) не говорит в пользу объективности этого мнения.

Любопытно происхождение свидетельства Н. М. Карамзина. Р. Ф. Тимковский записал со слов К. Ф. Калайдовича, что «по сделанному им, Н. М. Карамзиным, сличению, оказалось, что Песнь о походе Игоря

⁴⁷ Слово о плъку Игореве. . . Объясненное по древним письменным памятникам магистром Дмитрием Дубенским. (Русские достопамятности, изд. Обществом истории и древностей российских. Часть третья). М., 1844 с. VIII.

со всею точностью напечатана против подлинника, выключая слов: *сѣчи Трояни*, вместо которых в подлиннике стоят: *сѣчи Трояни*. Касательно же поставленного в скобке слова: *Олега*, на стр. 6, то это учинено для большей ясности речи». ⁴⁸ Но заметим, что сам К. Ф. Калайдович передает ту же беседу в других словах: «Карамзин говорил мне, что в подлиннике Песни Игорева вместо *сѣчи Трояни* в двух местах было написано: *сѣчи Трояни*». ⁴⁹ При этом неясно, какой же текст имеется в виду: в «Слове» читаем: «Были вѣчи Трояни» и «На седьмомъ вѣдѣ Трояни»; в последнем случае подставить слово *сѣчи* невозможно по смыслу. Все это заставляет сомневаться в том, что К. Ф. Калайдович точно воспроизвел слова Н. М. Карамзина. Напомним также резонное замечание Е. В. Барсова, что-свидетельство Карамзина «может относиться лишь к смыслу и словам подлинника, а отнюдь не к буквальной точности его издания». ⁵⁰

Характерно также, как отвечал А. И. Мусин-Пушкин на вопрос К. Ф. Калайдовича «О прежних переводах и кто был участником в издании?»: «Во время службы моей в С.-Петербурге несколько лет занимался я разбором и предложением оных Песни на нынешний язык, которая в подлиннике хотя довольно ясным характером была писана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления; прежде всего должно было ее разделить на периоды и потом добираться до смысла; что крайне затрудняло, и хотя все было уже разобрано; но я, не быв переложением моим доволен, выдать оную в печать не решался, опасаясь паче всего, чтобы не сделать ошибки, подобной к Щербатову, который, разбирая грамоту новгородцев к Ярославу, напечатал в оной между прочего (что надеюсь вам известно): „по что отъяль еси поле заячь и Миловцы?“ ⁵¹ По переезде же моем в Москву увидел я у А. Ф. Малиновского, к удивлению моему, перевод мой в очень неисправленной переписке и по убедительному совету его и друга моего Н. Н. Б. Каменского, решился обще с ними сверить предложение с подлинником и, исправя с общего совета что следовало, отдал в печать». ⁵²

Из этого ответа с полной очевидностью следует, что А. И. Мусина-Пушкина больше всего затрудняло не прочтение слов, не разбор написаний, а понимание смысла текста, точность и правильность его перевода. Именно поэтому обеспокоен он отсутствием правописания, строчных знаков, сложностью выделения отдельного слова и т. д., именно поэтому он начинает с «разделения на периоды» — как средства добраться до смысла. Он подчеркивает далее, что совместная работа редакторов также была направлена в первую очередь на совершенствование перевода и комментирование памятника. В связи с этим, может быть, стоит пересмотреть и смысл известного сообщения К. Ф. Калайдовича: «Корректуру держали: А. Ф. Малиновский, Н. Н. Б. Каменский, а третью уже читал граф Пушкин. Они делали частые поправки в корректуре, с точностью издавая подлинник, отчего печатание шло медленно. Граф Пушкин не имел права помарывать коррек-

⁴⁸ Н. П о л е в о й. Любопытные замечания к Слову о полку Игорева. — *Сын отечества*, 1839, т. VIII, отд. VI, с. 20.

⁴⁹ Там же, с. 18.

⁵⁰ Е. В. Б а р с о в. Слово о полку Игорева. . . , т. I, с. 99.

⁵¹ Имеется в виду, что М. М. Щербатов так прочел текст вместо «. . . отъяль еси поле заячьими ловци».

⁵² К. К а л а й д о в и ч. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. — *Записки и Труды ОИДР*, 1824, ч. 2, с. 36—37.

туру».⁵³ Что же значат слова «с точностью издавая подлинник»? Едва ли А. И. Мусин-Пушкин, после того как корректуру уже прочли А. Ф. Малиновский и Н. Н. Бантыш-Каменский, стал бы делать б у к в е н н ы е п о п р а в к и, вновь сверяя корректуру с оригиналом набора. Скорее всего, и здесь речь идет о возможных попытках совершенствования перевода и о спорах редакторов по поводу истолкования отдельных мест подлинника.

В связи с этим обратим внимание на замеченные и не замеченные издателями ошибки и опечатки.

Издатели заметили 4 «погрешности», но показателен характер сделанных исправлений. Первое из них вообще утратило смысл, так как впоследствии был изменен текст примечания на с. 15, а сами страницы 15—16 заново перепечатаны. При этом, как заметил Л. А. Дмитриев, исправление все равно было сделано неточно: нужно было исправить *Борисѣ Вячеславичѣ* на *Борисѣ Всеславичѣ*, но издатели предлагают исправление *Князѣ Всеславичѣ* (т. е. в исправленном тексте читалось бы: «о князѣ Князѣ Всеславичѣ».⁵⁴ На с. 39 предлагалось исправить (в переводе) *Святослововы* на *Святославовы*, но в первом случае напечатано *Сеятослововы*, т. е. в списке «погрешностей» оказалась новая опечатка.

Две другие опечатки — пропуск буквы в слове *Киева* и ошибочная флексия в слове *темные* — были замечены издателями в переводе «Слова». При этом шрифт в списке опечаток — курсив вместо прямого во всех случаях, кроме последнего, также неверен.

Помимо этих, замеченных издателями, исследователи обнаружили в издании еще ряд опечаток. Л. А. Дмитриев указывает 11 ошибок, вызванных смещением букв: *богатсивами* вместо *богатствами*, *рекше* вместо *рекше*, *сотеореніи* вместо *сотвореніи*, *ввеликаго* вместо *великаго*, *неминуемой* вместо *неминуемой*, *Святслаеъ* вместо *Святслаеъ*, *векотей* вместо *векошей*, *воинекій* вместо *воинскій*, *отѣ* вместо *отъ*, *Княземъ* вместо *Княземъ*, *городъ* вместо *городѣ*.⁵⁵ Из них три опечатки (в словах *великаго*, *Святслаеъ* и *Княземъ*) — в древнерусском тексте «Слова».

Д. С. Лихачев отметил опечатки *в моемъ* вместо *в(ъ) моемъ* (27), *исъ Ревугы* вместо *и съ Ревугы* (27), *съ моря* вместо *съ моря* (дважды на с. 12), *тугою* вместо *с тугою* или *съ тугою* (43).⁵⁶ Во всех этих случаях перед нами не интерпретация текста издателями,⁵⁷ но ошибочное слитное написание слов, которые, как можно судить по переводу, воспринимались издателями как отдельные. Но и этим перечень ошибок издания не исчерпывается. Во-первых, от внимания исследователей, кажется, ускользнул тот факт, что даже заглавие памятника передано издателями по-разному. В издании текста читаем: «Слово о плъку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля. . .», а в описании сборника иначе: «Слово о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславля. . .». Является ли это разноречие механическим пропуском набора или ошибкой издателей, допущенной ими при описании сборника, установить трудно, но, как свидетельствует Екатерининская копия, текст перевода и бумаги А. Ф. Малиновского, слово *сына* несомненно читалось в заголовке памятника.

⁵³ Это свидетельство К. Ф. Калайдовича сохранилось среди бумаг Р. Ф. Тимковского и было издано Н. Полевым. См.: Любопытные замечания к Слову о полку Игореве, с. 17.

⁵⁴ См.: Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». Материалы и исследование. М.—Л., 1960 (далее: Дмитриев. История), с. 63.

⁵⁵ Там же, с. 71—72.

⁵⁶ Лихачев. История подготовки, с. 72 (здесь и далее в скобках указываются страницы по первому изданию).

⁵⁷ Приводимый Д. С. Лихачевым там же пример *бес щитовъ* относится уже не к ошибкам наборщиков, а к ошибкам интерпретации текста издателями.

Ошибками набора, не отмеченными Л. А. Дмитриевым и Л. С. Лихачевым, без сомнения, являются также написания *въ срожатъ* (9; в *Е: въсржотъ*), *по скочи* (20, в *Е: поскочи*), а возможно, также и *Ярослову* (3; в *Е: Ярославу*) и *повръгоща* (32, в *Е: повръгоша*). Обищность этих написаний подтверждается, помимо свидетельств *Е*, также и переводом.

Обилие опечаток в издании «Слова» не должно нас удивлять. В упоминавшемся выше академическом издании Воскресенской летописи, помимо многочисленных случаев, которые мы с известной условностью можем объяснить как исправления текста издателями или ошибки прочтения и передачи текста, есть немало и явных опечаток.

Приведенные примеры, тем не менее, наглядно характеризуют качество издания «Слова» и призывают нас не доверять тем иллюзиям, которые вызывают слова К. Ф. Калайдовича о трех корректурах, точности издания подлинника и медленном в связи с этим процессе печатания.

Однако решающим аргументом, который поддерживает наши сомнения в точности воспроизведения подлинного текста «Слова», является обилие и характер разночтений между текстом первого издания (*П*) и Екатерининской копией (*Е*).

При анализе орфографической системы «Слова о полку Игореве» мы лишены возможности сравнивать издание с оригиналом; поэтому «контрольным текстом», который позволит нам хотя бы частично реконструировать издательские принципы, послужит Екатерининская копия.⁵⁸ Между *П* и *Е* обнаруживается около 300 расхождений, — число весьма значительное, если учесть небольшой объем памятника.

Разночтения эти могут быть сгруппированы следующим образом.

1. Различия в написании *ъ* и *ь* в исходе и в середине слов — 121 случай.
2. Различия в отражении сочетаний *ъ* и *ь* с плавными (*л* и *р*) между согласными — 60 случаев.
3. Различия в написании *ѣ* и *е* (или *и*) — 49 случаев.
4. Различия в написании *ы* и *и* — 27 случаев.
5. Различия в написании *а* и *я* после шипящих — 15 случаев.
6. Различия в написании окончаний *-аго* и *-ого* — 6 случаев.
7. Различия в написаниях суффикса *-в-* или *-вл-* — 6 случаев.

Кроме того, наблюдаются колебания в написании *з* и *с*, *а* и *о*, случаи опущения или наличия конечного *и* и т. д.

Уже один этот перечень убеждает нас в неправомерности мнения некоторых исследователей, будто бы разночтения *П* и *Е* могли быть порождены исключительно неясными начертаниями отдельных букв: даже мало-мальски опытный палеограф не смог бы смешать буквы *е* и *ѣ*, *ы* и *и*, *з* и *с*, букв *в* и буквосочетание *вл* и т. д. Кроме того, мы уже видели, что замена *ь* на *ъ*, взаимная мена *е* и *ѣ*, замена *с* на *з* (когда этого требовало современное правописание) и подобные изменения текста были типичны для всех без исключения изданий конца XVIII в. С этой точки зрения текст *П* можно считать более «выправленным», более унифицированным, чем текст *Е*. Однако сложность заключается в том, что унификация эта не была достаточно последовательной.

Итак, наиболее обширная группа разночтений — это колебания в написании *ь* и *ъ*, особенно на конце слов. Разночтения эти могли быть вы-

⁵⁸ Д. С. Лихачев в упомянутой выше статье «История подготовки. . .» убедительно доказал, что копия с рукописи «Слова», подготовленная Мусиным-Пушкиным, послужила оригиналом для Екатерининской копии (*Е*), а впоследствии тот же текст был взят за исходный при подготовке первого издания (*П*), хотя, разумеется, издатель исправлял этот текст, вновь обращаясь к оригиналу «Слова». Итак, мы вправе рассматривать текст *Е* как первый этап интерпретации текста «Слова», а текст *П* — как второй и окончательный вариант.

званы скорее всего тем, что конечная согласная во многих словах писалась в надстрочном положении, а редуцированный после нее опускался;⁵⁹ Е. В. Барсов полагал, что в рукописи могли встречаться написания с паерком, которые издатели по-разному интерпретировали на разных этапах своей работы.⁶⁰ Менее вероятно предположение Н. С. Тихонравова, объяснявшего колебания в постановке *ѣ* и *ь* сходством в начертаниях этих букв. Такое сходство встречается лишь в скорописи XVII в., и преимущественно — скорописи деловой.⁶¹

Каковы бы ни были причины, но у издателей в 87 случаях возникли сомнения в том, какую букву — *ѣ* или *ь* — следует поставить, и в 34 случаях — нужно ли вообще выставлять *ѣ* или *ь*.⁶²

Естественней всего было бы допустить, что издатели изберут в сомнительных случаях некую «орфографическую норму», подобно тому как поступил А. И. Мусин-Пушкин, издавая «Поучение»: там во всех случаях после вносимой в строку согласной выставлялся *ѣ*, и даже читавшиеся в строке глагольные окончания *-тъ* регулярно заменялись на *-тѣ*; единичные исключения из этого правила можно рассматривать либо как случайный просмотр, либо как опечатки.

Но в издании «Слова» мы не обнаружим подобной же строгой «системы» унификации: здесь встречаются и глагольные флексии на *-тъ*, и флексии существительных *-омѣ* и *-овѣ*. Можно обнаружить лишь некоторую тенденцию — в целом написаний на *ь* в *П* меньше, чем в *Е*. Рассмотрим это явление подробнее.

Флексия *-тъ* (*ѣ*) встречается в «Слове» 98 раз. В 56 случаях написания в *П* и *Е* совпадают (27 написаний *-тъ* и 29 написаний *-тѣ*), в 43 случаях конечные *ѣ* и *ь* различаются. При этом в 38 случаях вместо конечного *-тъ* в *Е* мы находим в *П* написание *-тѣ*, а в 5 случаях, напротив, вместо *-тѣ* в *Е* читается *-тъ* в *П*.⁶³

Если учесть, что в рукописях вплоть до XVI в. преобладающей была флексия *-тъ*, то чем же объяснить значительный процент написаний на *-тѣ* в «Слове»? Допустим, что это *ѣ*, выставленный издателями после внесенной в строку выносной (так поступал А. И. Мусин-Пушкин, издавая «Поучение»). Но почему же «исконные» *-тъ*, читавшиеся в *Е*, в 38 случаях заменены на *-тѣ* в *П*? Если они отражали в *Е* написание рукописи, то почему их решились заменить издатели в 1800 г.? А если этого требовало стремление к унификации орфографии, то почему принцип не был проведен последовательно и не были изменены остальные 29 написаний с *-тъ*? Кроме того, в 5 случаях написаниям *-тѣ* в *Е* стали соответствовать в *П* написания с *-тъ*.

Наше недоумение лишь усугубится при рассмотрении следующих примеров. В «Слове» 5 раз употреблены существительные мужского рода в род. п. мн. ч. с флексией *-ов*. При этом в *Е* они были воспроизведены так: *соколовѣ* (дважды), *полковѣ*, *щитовѣ* и *сыновѣ*. В *П* слова *соколовѣ* (3 и 4) и *щитовѣ* (27) получили флексию *-овѣ*; в одном случае (*плѣзовѣ*,

⁵⁹ См.: О. В. Творогов. О выносных буквах в русских рукописях XV—XVI веков. — В кн.: Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966.

⁶⁰ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве. . . , т. I, с. 76—78. В связи с этим напомню, что паерок издатели Воскресенской летописи в большинстве случаев передавали буквой *ѣ* (см. выше, стр. 143).

⁶¹ Характерно, что свой тезис Н. С. Тихонравов подтверждает примерами написаний, извлеченными из рукописей 1643 и 1691 гг. См.: Тихонравов. Слово, с. VI—VII.

⁶² При этом в 19 случаях в *П* проставлен *ѣ* или *ь*, а в *Е* редуцированный отсутствует, в 15 случаях, напротив, редуцированный отсутствует в *П*.

⁶³ Кроме того, в 12 случаях написаниям с *ѣ* и в одном случае — с *ь* в *П* соответствуют в *Е* написания с выносной согласной или вообще без редуцированного (*умомѣ* — *умоѣ*, *повѣдаютѣ* — *повѣдаюѣ*, *босомѣ* — *босоѣ* и т. п.).

22) флексия сохранилась в том же написании и в одном случае (*сыновъ*, 36), напротив, вместо *-овъ* стало читаться *-овъ*.

Четырежды в «Слове» встречается слово *ум* (вин. п. ед. ч.). В *Е* оно дважды написано с *ъ* и дважды — с *ь*, в *П* (опять-таки вопреки общей тенденции) трижды встречается написание с *ь* и только один раз — с *ъ*; при этом оба написания *умъ*, имевшиеся в *Е*, заменены на *умь* (5 и 6), и, напротив, написание *умь* — на *умъ* (31).

Все эти примеры пришлось бы объяснить странной непоследовательностью издателей, их крайней небрежностью, наконец — ошибками набора и т. д., если мы не придем к более простому и, думается, единственно логичному объяснению: издатели не придавали орфографическим тонкостям особого значения, написания возникали в процессе переписок и исправлений текста до известной степени стихийно, чем и вызван тот удивительный разноречивый, с которым мы встречаемся в обеих версиях текста «Слова».

Продолжим рассмотрение различий *П* и *Е*. Большая группа различий связана с различием в написаниях слов с сочетанием редуцированного и плавного (типа *влѣкъ*, *плѣкъ* и под.). Всего в «Слове» около 90 таких слов.⁶⁴ Они могут быть разбиты на 4 группы.

К первой группе отнесем слова, содержащие в *Е* и *П* гласный полного образования: *Волгу* (28), *выторже* (22), *ползоша* (43), *сердца* (5 и 26), *сморци* (39), *солнце*, *солнца*, *солнцу* (5, 8, 12, 25, 32 и 44), *Черниговъ* (20) и *Черниговскими* (27).⁶⁵ При этом в «Слове» встречаются и иные написания этих же слов: *Влѣѣ* (9), *Чрънигова* (13, в *Е*: *Чернигова*), *слънце* (39, в *Е*: *солнце*); к *выторже* можно привести параллельную форму *утръже* (35).

Написание слов *сердце* и *солнце* с гласными полного образования объясняется, вероятно, тем, что слова эти, как правило, писались под титлом и были «раскрыты» издателями.

Что же касается слова *сморци*, то оно требует специального комментария. Л. П. Якубинский с уверенностью писал, что мы «находим в „Слове“ совершенно дикое написание, вроде *сморци* из *смърци* (с цоканьем, которое характеризует наш список): здесь в силу замены *ь* через *ъ* получилось написание *смърци*, а с прояснением *ъ* в *о* — *сморци!*».⁶⁶ Но чтение «Слова» отнюдь не уникально. В Хронике Амартола имеется текст с употреблением того же слова: «. . . а еже подъ землею вода оста, бездна наречена бысть, из неяже яко сморци нѣкатори испущаються».⁶⁷ В списках второй редакции Хроники форме *сморци* соответствует форма *смерци*, но в списке XV в. (который, видимо, отражает первую редакцию Хроники) встречаем снова *смърци*.⁶⁸

К второй группе отнесем слова, которые в *П* приводятся в южнославянской орфографической манере, а в *Е* — с проясненным гласным. Это следующие 45 слов (привожу их в исходной форме): *бръзыи* (41 дважды), *влѣкъ* (9, 11, 35, 36 дважды; 41 дважды), *влѣна* (42), *вѣврѣщися* (41), *длѣго* (10), *млѣвити* (19, 43), *млѣнии* (12), *наплѣнитися* (5), *плѣкъ* (5, 6, 10, 12, 13, 14, 17, 18, 20, 21, 22, 27, 30, 32, 39, 46), *плѣночи* (35), *помлѣкнути* (43), *прѣвое* (37), *прѣвыи* (37, дважды), *Святоплѣкъ* (16),

⁶⁴ Приблизительность подсчета вызвана тем, что некоторые слова являются конъектурами исследователей (например: *утръже*, *дрѣѣѣ*).

⁶⁵ К этой группе следует отнести и слово «папорзи». Видимо, этому малознакомому слову писец XVI в. не решился придать «южнославянскую форму».

⁶⁶ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, с. 322.

⁶⁷ Цитируется старший список Хроники — XIII—XIV вв., — см.: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянонорусском переводе, т. I. Пгр., 1920, с. 302.

⁶⁸ Рукопись ГПБ, Кирилло-Белозерск. собр., № 7/1084, л. 506 об.

слънце (39), Чръниговъ (13) и чрънши (11, 12, 17, 23), которые в *Е* переданы соответственно как *борзый, волкъ, волна, въвержесе, долго* и т. д.

Почти все исследователи считают, что написания в *Е* отражают стремление А. И. Мусина-Пушкина упростить орфографию оригинала, приблизить ее к современной.⁶⁹ Впрочем, М. В. Щепкина полагает, что 45 различий — «слишком много, чтобы видеть в них „подравнивание“ (термин А. С. Орлова, — *О. Т.*)». «Остается думать, — продолжает М. В. Щепкина, — что они имели в оригинале какое-то особое написание, и такое написание известно нам из древнерусских летописей». Это написание состоит, по мнению М. В. Щепкиной, «в сокращении с выносом плавной над строкой: *бъзый, вкъ*».⁷⁰ Я не убежден в возможности таких написаний, мне встречались лишь написания типа: *вокъ, покъ* и под., а М. В. Щепкина, к сожалению, не приводит указаний на конкретные рукописи.

К третьей группе относятся 24 слова, которые в *Е* и *П* одинаково приведены в южнославянской форме: *пръсты* (4), *въскръмлени* (8), *връху*, *Влъзѣ, блъванъ* (9), *чрълеными* (10), *чръленъ, чрълена* (11), *чрълеными* (13),⁷¹ *хлъми* (21), *чръпахуть* (23), *тлъковинъ* (23),⁷² *златовръсъмъ* (23), *стлъпа*, *връжеса* (25), *поверъгоша* (32),⁷³ *чрълеными* (33), *връже, подпръся, утръже* (35), *Хръсови* (36), *претръгоста* (41), *чрънядъми, пожръши* (42).⁷⁴

Естественно допустить (и именно так считает большинство исследователей), что в этих случаях передана орфография оригинала.

Написания южнославянского типа содержались, видимо, и в следующих трех словах: слове *чръленый* (10) — *чрленый* в *Е*, *мркнетъ* (10) — *мръкнетъ* в *Е* и *утрпѣ* (32) — *утрпѣ* в *Е*.⁷⁵

Картина, однако, осложняется существованием еще одной категории написаний, а именно написаний «древнерусского» типа, с постановкой редуцированного перед плавным (*пълку*).

Приведу все слова с рассматриваемым буквосочетанием в том порядке, в каком они следуют в памятнике, на с. 1—8.

<i>П</i>	<i>Е</i>	<i>Стр.</i>	<i>П</i>	<i>Е</i>	<i>Стр.</i>
<i>пълку</i>	<i>полку</i>	} 1	<i>напълнися</i>	<i>наполнися</i>	} 5
<i>пълку</i>	<i>полку</i>		<i>пълкы</i>	<i>полкы</i>	
<i>вълкомъ</i>	<i>волкомъ</i>	} 3	<i>бръзья</i>	<i>бързья</i>	6
<i>пръвытъ</i>	<i>первытъ</i>		<i>пълкы</i>	<i>полкы</i>	
<i>пълкы</i>	<i>полкы</i>	} 4	<i>бръзьи</i>	<i>бързьи</i>	7
<i>пръсты</i>	<i>пръсты</i>		<i>вълци</i>	<i>вълци</i>	

⁶⁹ И. И. Козловский отметил, что в *Е* «в слове *наполнися* буквы *ол* писаны по подскобленному месту: как будто писец сначала точно скопировал болгарское правописание рукописи, но потом все-таки счел нужным переправить его на обычную русскую орфографию» (И. И. Козловский. Палеографические особенности. . ., с. 5).

⁷⁰ М. В. Щепкина. К вопросу о правописании. . ., с. 100.

⁷¹ В *Е*: *чрълеными, чръленъ, чрълена, чрълеными*.

⁷² В *Е*: *тлъковинъ*. Учитывая, что так же написано это слово в бумагах А. Ф. Малиновского и безусловную правильность написания через *ъ*, мы можем предположить, что в *П* — опечатка (вместо *тлъковинъ*): при тенденции к замене *ъ* на *ѣ* едва ли возможна осмысленная замена *ъ* оригинала на *ѣ*.

⁷³ В *Е*: *поверъгоша*.

⁷⁴ Подсчеты А. С. Орлова (Слово, с. 54—55) и М. В. Щепкиной (К вопросу о правописании. . ., с. 99) не точны: А. С. Орлов пропускает слова *хлъми, тлъковинъ* и *утръже* (впрочем, последнее слово — конъектура исследователей); у М. В. Щепкиной также не упоминаются слова *тлъковинъ* и *утръже*. Что же касается приводимого А. С. Орловым слова *друзѣ* — *дръ(ъ)зѣ* («Аще и вѣща дупа в друзѣ тѣлѣ»), то написанные *дръзѣ* — конъектура исследователей: в *П* и *Е* одинаково читается *друзѣ*.

⁷⁵ М. В. Щепкина полагает, что «Екатерининская копия проставляет и здесь *ъ* после плавной. . ., подгоняя этот случай под югославянский тип» (М. В. Щепкина. К вопросу о правописании. . ., с. 99).

В дальнейшем написания с буквосочетанием этого типа не встречаются. Исследователи полагали, что написания эти отражают написания оригинала, в котором будто бы сохранился след орфографии XII в.⁷⁶

На мой взгляд, дело обстоит иначе, и написания *-ър-* — результат размышлений над текстом «Слова» его издателей. Во-первых, напомним, что ни в одном случае написания с *-ър-* в *Е* и *П* не совпадают (это отмечал еще А. С. Орлов), что все они сосредоточены в начале текста и находятся относительно близко друг к другу. Во-вторых, примечательно, что при перепечатке первой восьмушки нескольких листов «Слова»⁷⁷ одно из этих написаний, а именно *плъку* (в заглавии памятника), изменено на *плъку* (так же это слово передано в заголовке при описании сборника, на с. VII). Искусственность написаний с *-ър-* бросается при этом в глаза.

Не менее важно разрешить и другой вопрос: могли ли в Мусин-Пушкинском списке «Слова» или в предшествовавшем ему (если, разумеется, он не был списком XII в., а это крайне маловероятно) находиться написания с *-ър-*? Специальные наблюдения над различными рукописями XV—XVI вв. свидетельствуют о чрезвычайной редкости таких написаний. Этот факт, а также несовпадения написаний с *-ъл-*, *-ър-* в *Е* и *П* наводят на мысль об искусственном создании этих написаний издателями «Слова» под влиянием трех форм (*бързья*, *бързыя*, *вълци*), введенных А. И. Мусиным-Пушкиным в текст, послуживший оригиналом для *Е*.

Частота употребления написаний «болгарского» типа в «Слове» не должна нас удивлять: эта черта была характерна для многих рукописей XV и особенно XVI в.

Возможно, как полагает А. С. Орлов, ряд написаний с *-ръ-*, *-лъ-* присутствовал уже в оригинале «Слова», но трудно согласиться с его мнением, будто бы «лишь меньшую часть плавноглухих написаний югославянского типа по внешности следует в Пушкинской рукописи отнести на счет второго югославянского влияния. . . Большинство же таких написаний гораздо древнее; в XV—XVI веках едва ли придумали бы написания вроде „въврѣжеса“ или „въскръмлиени“ или решились бы на „Хръсови“». ⁷⁸ На примере списка «Сказания о Мамаевом побоище» (ГПБ, О. XVII. 44, XVI в.) мы можем легко убедиться, сколь широк был круг слов, писавшихся (порой этимологически неоправданно) в южнославянской орфографической манере. В этом списке встречаются следующие слова этого типа: *вълкъ*, *врѣхъ*, *вседръжителъ*, *грѣбьи*, *грѣкьи*, *грѣко*, *длъгъ*, *дрѣжава*, *дрѣжати*, *дрѣжатися*, *дрѣзати*, *дрѣзновение*, *исплъненъ*, *исплънити*, *исплъчитися*, *испроврѣци*, *млѣνια*, *млѣчати*, *наплънитися*, *оплъчишася*, *отврѣци*, *отврѣчися*, *плѣза* (и *плѣза*), *плѣкъ*, *плѣковникъ*, *плѣководецъ*, *поплѣзатися*, *претръпѣти*, *прѣвое*, *прѣвомучившии*, *прѣвьи*, *потръпѣти*, *прѣсы*, *разерѣсть*, *Святоплѣкъ*, *скръбнии*, *страстотръпецъ*,

⁷⁶ Так, А. С. Орлов считал, что написания *-ър-* в *Е* предпочтительны и восходят к подлинному списку «Слова», он допускал также, что в нескольких случаях в *П* написаниями *-ръ-*, *-лъ-* «подменены *-ър-*, *-ъл-* с целью подравнивания оригинала» (Орлов. Слово, с. 55). С. П. Обнорский даже выдвинул следующее предположение: способ передачи сочетаний редуцированного с плавным «по типу болгарской орфографии был освоен писцом „Слова“ не сразу: по началу писец держался приблизительно старорусского типа написаний этих сочетаний. . . , а далее уже у него вырабатывается устойчивый прием написаний соответственных слов на болгарский лад» (С. П. Обнорский и др. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, с. 141; далее: Обнорский. Очерки). Автор не учитывает обоих отмеченных выше фактов — неупотребительности «старорусских» написаний в XV—XVI вв. и разноречия *П* и *Е*.

⁷⁷ Подробнее об этом см.: Дмитриев. История, с. 57 и сл.

⁷⁸ Орлов. Слово, с. 57.

свъръшатися, свъръшити, твърдо, твърдыи, тръпѣти, тръние, удръжати, умлѣкати, умрѣтвѣитися, утвърдити, утвърдитися. Ничего нельзя сказать о словах *сердце, солнце, смерть*, поскольку они, как правило, пишутся под титлом. На 129 словоупотреблений перечисленных выше слов с южнославянскими написаниями приходится менее 10 написаний тех же слов или слов того же типа с проясненным гласным (*горько, болг, волъци* и др.). Попутно замечу, что только в одном случае встретилось в «Сказании» написание с *-ъл-* (слово *вълхвъ*).

Итак, подавляющее большинство написаний южнославянского типа в *П*, вероятно, соответствует чтению оригинала; написания же «старорусского» образца, думается, созданы А. И. Мусиным-Пушкиным и его соредакторами.

Перейдем к рассмотрению разночтений в написании *ѣ* и *е*. Всего их 49, при этом в 35 случаях буква *ѣ* в *П* соответствует буква *е* в *Е*, и, напротив, в 14 случаях *ѣ* читается в *Е*, а в *П* ему соответствует *е*.

Если иметь в виду, что в написании *ѣ* или *е* в корнях слов текст *П* и перевод совпадают, то естественно предположить, что в *П* текст унифицирован в соответствии с орфографией XVIII в., а отклонениями от него *Е* обязана влиянию оригинала. Но наблюдения над всем кругом материалов опровергают или по крайней мере ограничивают это допущение.

Так, в «Слове» 11 раз встречаются слова с корнем *стрел-* (*стрѣл-*). Лишь в двух случаях *ѣ* читается и в *Е*, и в *П*: «итти дождю стрѣлами» (12) и «соколича рострѣляевѣ» (43); в остальных случаях корень *стрел-* в *Е* пишется через *е*. Не является ли это написание через *е* нарушением орфографической нормы XVIII в., сделанной под влиянием древнерусского текста?

На загадочность «систематического разноречия» между *Е* и *П* в написании этого корня обратил внимание еще Д. С. Лихачев, указав, что «и в рукописях XII—XVII вв., и в орфографии XVIII в. в корне этих слов обычно пишется „ѣ“ (исключение могло быть только в новгородских рукописях)». ⁷⁹

Но наблюдения над орфографией переводов «Слова», сделанных в конце XVIII в., приводят нас к неожиданным результатам.

В переводе первого издания, как было сказано, корень этот всегда пишется через *ѣ*, точно так же, как в переводе, обозначенном Л. А. Дмитриевым литерой *Г*,⁸⁰ и в переводе, сохранившемся в бумагах А. Ф. Машиновского.⁸¹ В переводах из собрания Белозерских (далее: *Б*) и из архива Воронцовых (далее: *В*) орфография иная: в *Б* — 6 написаний через *ѣ* и 5 — через *е*, а в переводе *В* все написания через *е*;⁸² наконец, в переводе в бумагах Екатерины (далее: *ЕП*)⁸³ лишь в трех случаях встречаем *ѣ*, а в остальных — *е*; характерно, что двум написаниям с *ѣ* в тексте *Е* соответствуют написания через *е* в *ЕП* и что написания *ѣ* и *е* в *ЕП* и *Б* в большинстве случаев не совпадают.

Л. А. Дмитриев установил, что переводы *Г*, *Б* и *В* восходят к общему протографу.⁸⁴ Следовательно, соотношения в них *ѣ* и *е* не зависят от написаний оригинала.

⁷⁹ Лихачев. История подготовки, с. 73—74.

⁸⁰ Сборник ГПБ, Ф. XV.50, конца XVIII в., см. о нем: Дмитриев. История, с. 277—278, текст перевода см. там же, с. 335—350.

⁸¹ См. там же, с. 352—357.

⁸² Переводы *Б* и *В* изданы в разночтениях к тексту *Г* в той же книге Л. А. Дмитриева (с. 335—350).

⁸³ Издан там же, с. 318—325.

⁸⁴ См. там же, с. 273—289.

Это подтверждается и соотношением чтения древнерусского текста «Слова» и его старших переводов (перевод первого издания обозначим *III*):

<i>II</i>	<i>III</i>	<i>EII</i>	<i>Г</i>	<i>Б</i>	<i>В</i>
<i>полетѣ</i>	<i>летѣль</i>	<i>полетѣль</i>	<i>полетѣль</i>	<i>полетѣль</i>	<i>полѣтель</i>
<i>гуси</i>	<i>гусей</i>	<i>гусей</i>	<i>гусей</i>	<i>гусѣи</i>	<i>гусей</i>
<i>лебеди</i>	<i>лебедей</i>	<i>лебедей</i>	<i>лебедей</i>	<i>лебеѣи</i>	<i>лебедей</i>
<i>полетѣ</i>	<i>полетѣль</i>	<i>полетѣль</i>	<i>полетѣль</i>	<i>полѣтѣль</i>	<i>полетель</i>
<i>лелѣявъ</i>	<i>нося</i>	<i>лелѣяль</i>	<i>лелѣявъ</i>	<i>лелѣявъ</i>	<i>лелевъ и т. д.</i>

Мы видим, что разноречием в написаниях *ѣ* и *е* в переводах XVIII в. не зависит от орфографии текста «Слова», а свидетельствует лишь о неустойчивости орфографии XVIII в.⁸⁵

Обратимся к разночтениям в написаниях *ы* и *и* после *г*, *к* и *х*. В рукописях XV—XVI вв. встречаются написания обоих типов с преобладанием, однако, написаний *сы*.⁸⁶ Видимо, оба варианта были и в Мусин-Пушкинском списке «Слова». В 20 случаях написания *II* и *E* отличаются, и думается, что есть возможность в какой-то мере объяснить причину возникновения этих разночтений.

Разночтения начинаются лишь со второй трети текста: на первых страницах издания (как и в *E*) читаются только написания с *ы*: *облакы* (3), *плѣкы*, *касожъскымы* (4), *плѣкы* (5), *плѣкы*, *облакы* (6), *яругы*, *акы* (8), *тъмутораканъскымы*, *тѣлѣгы* (9), *плѣкы*, *половецкыя* — дважды, *дѣкы*, *паволокы*, *драгыя* (10), *кожухы*, *всякымы*, *половѣцкымы* (11), *половецкыя*, *рѣкы* (12), *рускыя*, *плѣкы*, *половецкыя*, *оварьскыя* (13), *великыи* (15). Начиная со страницы 16 в *II* появляются как написания с *и*, которым соответствует написание с *ы* в *E*, так и написания с *и*, общие для *II* и *E*.⁸⁷ Однако написания с *ы*, общие для *II* и *E*, продолжают встречаться и далее: *плѣкы*, *половецкыи* (17), *плѣкы*, *другыи* (18), *погибе* (19), *рускыи*, *великыи*, *кѣевскыи*, *плѣкы*, *яругы* (21), *рѣкы* (22), *великыи*, *дѣскы* (23), *топчаки*, *ревугы*, *засапожники*, *плѣкы*, *половецкымы* (27), *великыи* (28), *галичкы*, *угорскыи* (30), *расхытисте* (33), *литовскымы* (34), *половецкыи* (35), *хытру*, *кычеть* (37), *хиновскыя*, *стрѣлкы*, *облакы* (38), *стругы* (42), *сорокы* — дважды (43).

Начиная со страницы 17 появляются общие для *II* и *E* написания с *и*: *угорскыи* (16), *кикахуть* (17), *кисаню* (?) (23), *хинови* (25), *черниговскыи* (27), *плѣкы* (30), *хинова* (31), *городенъскыи* (34), *Немиги* (35), *рускихъ* (36), *хиновскыя* (38) и *плѣкы* (46).

В 18 случаях, как уже сказано, написанию с *ы* в *E* соответствуют написания с *и* в *II*: *погибашеть* (16), *рускія* (20), *рѣкы*, *потоки* (21), *великихъ*, *половецкихъ*, *половецкыя* (22), *акы*, *готскыя* (25), *великыи* (26), *похитимъ* (27), *облаки* (30), *латинскымы*, *многи* (32), *ляцкыи* (33), *литовскыя* (33) и *кѣевскыи*

⁸⁵ Л. К. Ильинский (Перевод «Слова о полку Игореве» по рукописи XVIII века. Пгр., 1920, с. 32) считал, что в переводе *Б* сохранился ряд написаний, «несомненно ведущих свое начало от оригинала памятника». Ему справедливо возражает Л. А. Дмитриев: «Этот список не может служить материалом для восстановления написаний „Слова о полку Игореве“, так как определить, где перед нами отражение написаний оригинала, а где написания перевода, подражающие формам оригинала, невозможно» (Дмитриев. История, с. 282).

⁸⁶ В уже упоминавшемся списке «Сказания о Мамаевом побоище» написания с *ы* преобладают, но встречаются и написания с *и*. Например: *погибели* (и рядом — *погыбе*), *нѣкыи*, *акы*, *великыи* и др. Написания *гы*, *кы*, *хы* чередуются с *гы*, *кы*, *хы* и в других рукописях этого времени.

⁸⁷ Особо рассмотрю написания *ы* и *и* в корне *кѣев-*. Всего слова *Кѣев* и *кѣевскыи* встречаются в «Слове» 13 раз, написание гласной после *к* в *E* и *II* всегда совпадает, при этом на с. 7, 35 и 36 дважды встречаем написания с *кы*, на с. 16, 20, 21, 22, 23, 30, 35, 37 и 45 — с *ки*. В двух случаях написаниям с *ки* в «Слове» соответствуют написания с *кы* в выписках Н. М. Карамзина (с. 16 и 30). Но, быть может, текст в выписках архаизирован Н. А. Карамзиным?

(37). В *Е* соответственно: *погыбашеть, рускыя* и т. д. В двух случаях *и* в *Е* заменено на *ы* в *П*: *плъкы* (12) — *полки* и *акы* (29) — *аки*.⁸⁸

Итак, в *Е* явно преобладали написания с *ы* (80 случаев против 23 написаний с *и*), в *П* соотношение несколько иное (64 и 39), однако и здесь написания с *ы* преобладают. Странное впечатление производит «граница» написаний: со страницы 16 (исключая слова: *Киев* и *киевский*) начинают встречаться написания с *и* в обоих списках и с этой же страницы начинается замена написаний в *П*. В рукописях обычно написания обоих типов перемежаются. Не значит ли это, что в *Е* А. И. Мусин-Пушкин первоначально проводил унификацию, «выравнивая» все написания на *ы*, затем допустил — видимо, имевшиеся в оригинале — некоторые написания с *и*, а издатели примерно с того же места не только сохранили все бывшие в *Е* написания с *и*, но и добавили новые. Однако в двух случаях, где написания с *и* проскользнули в *Е* ошибочно, издатели исправили эти неточности. Разумеется, сказанное не более чем догадка, но искусственность какой-то части написаний как в *П*, так и в *Е* не подлежит сомнению.

Еще в 7 случаях различаются написания *ы* и *и* в положении не после заднеязычных: *възлелѣяны* (8) — *възлѣлѣяны*, *полуноцы* (9) — *полуноци*, *крылы* (15) — *крылы*, *кроваты* (23) — *кровати*, *желѣзныи* (23) — *желѣзнии*, *унылы* (34) — *унылы*, *Давидовы* (37) — *Давидови*. Если учесть, что в большинстве случаев причастия как в *П*, так и в *Е* оканчиваются на *и* (*осѣдлани*, *отворени*, *изѣострени*, *распуцени*, *свѣдоми*, *вѣдоми*, *знаеми*, *верезени*, *посѣяни* — дважды; но *поскепаны*, *ранены*), можно предположить, что замена *и* на *ы* в этой форме — результат подравнивания текста по современной орфографии.

В 15 случаях различаются написания *а* и *я* после шипящих. При этом 13 раз в *П* пишется *я* на месте *а* в *Е*: *начяти* (1), *рассушась* (10), *начаша* (11), *тучя*, *потручяти* (12), *поскочяше* (13), *Святъславличя* (15), *давечя* (18), *начяша* (19), *сыновчя* (26), *начяти* (35), *Брячяслава* (36) и *начясте* (36). В *Е* соответственно: *начати*, *рассушась* и т. д. В одном только случае *я* в *П* и *Е* совпадает: *Святъславличя* (7). В двух случаях написанию с *а* в *П* соответствовало написание с *я* в *Е*: *Святъславлича* (21) и *полочаномъ* (33).

В 6 случаях наблюдаются колебания в написании *-в-* и *-вл-*: *Святъславича* (1 и 30) — *Святъславича*, *чрълена* (11) — *чрълена*, *чрълеными* (13) — *чръвлеными*, *Мстиславичи* (32) — *Мстиславичи*, *Ростислава* (42) — *Ростиславля*.

Если мы продолжим рассмотрение разночтений, то и далее встретимся с той же картиной: унификация несомненно имела место и в *П*, и в *Е*, но она не была ни в том, ни в другом варианте текста проведена до конца, и каждая тенденция сочетается с многочисленными исключениями.⁸⁹

Итак, мы не сможем во всех деталях реконструировать подлинный текст Мусин-Пушкинской рукописи, и не только потому, что издатели изменили его, не всегда придерживаясь строгой системы, но и потому, что ни один древнерусский текст сам по себе не обладал строго выдержанным орфографическим однообразием.

Нет возможности однозначно ответить и на вопрос: в *П* или в *Е* древнерусский текст «Слова» передан более точно; так, в *Е*, несомненно, лучше сохранились написания *гы*, *кы*, *хы*, употребление *ь* в исходе слов и т. д., но зато были существенно поновлены написания редуцированных с плавными, написания *я* после шипящих, и т. д.

⁸⁸ А. С. Орлов приводит другие, менее точные подсчеты соотношений написаний *ы* и *и*; но также считает, что издатели подвергли текст частичной унификации (Орлов. Слово, с. 58—59).

⁸⁹ Анализ некоторых разночтений и их палеографическое объяснение содержатся в статье М. В. Щепкиной «К вопросу о разночтениях. . .».

Все это, однако, не исключает возможности реконструировать тип орфографии «Слова» и сопоставить его со сходными по типу древнерусскими рукописями. А это окажется чрезвычайно важным для датировки Мусин-Пушкинского списка.

Пока подобная работа была проделана только Н. М. Каринским, который обнаружил в «Слове» сумму орфографических черт, роднивших его со псковскими рукописями XV в. На этом основании Н. М. Каринский высказал предположение, что рукопись «Слова» «не могла относиться к XIV веку и что мало вероятности предполагать, чтобы она была написана позже первой половины XVI столетия . . . представляется, по-видимому, естественным относить памятник к концу XV века, хотя следует иметь в виду, что в Псковской области и в XVI веке южнославянское влияние было еще весьма ярким».⁹⁰ Впоследствии мнение Н. М. Каринского о псковском происхождении рукописи со «Словом» вызвало возражения (В. В. Виноградова, А. С. Орлова, С. П. Обнорского),⁹¹ но лишь В. В. Виноградов противопоставил свои конкретные наблюдения скрупулезным наблюдениям Н. М. Каринского над псковскими рукописями XIV—XVI вв.⁹² К сожалению, у нас почти нет монографических исследований палеографии и орфографии рукописей XVI—XVII вв.,⁹³ поэтому мы не можем судить, насколько явления, общие для Мусин-Пушкинской рукописи и псковских рукописей, характерны именно для рукописной традиции данного ареала и могли ли они иметь место также в рукописях, созданных в Москве, Твери, Новгороде, в северных монастырях. Словом, у нас нет сейчас ни оснований безоговорочно принять точку зрения Н. М. Каринского, ни достаточных аргументов, чтобы решительно ее отвергнуть.

Локализовать Мусин-Пушкинский список, быть может, еще преждевременно, — для этого мы не располагаем пока достаточным числом наблюдений над рукописным фондом XV—XVI вв., но уже сейчас возможно указать черты, роднящие орфографию «Слова» с орфографией рукописей XV—XVI вв. и решительно препятствующие допущению, что «Слово» могло быть переписано в XVII в.

К этим чертам относится употребление сочетаний «плавный + редуцированный» (типа: *влѣкъ*), случаи отсутствия йотации (*вѣщца*, *трупца*, *копца* и др.), преобладание написаний *гы*, *кы*, *гы* — сравнительно с написаниями через *и*, случаи написания *я* и *ю* после шипящих (*скачють*, *женчюгь*, *омочю*, *начяша* и др.) и т. д.; все эти черты либо совершенно исчезают в рукописях с конца XVI в., либо встречаются в них чрезвычайно редко. Итак, орфография «Слова», как уже неоднократно указывалось исследователями, позволяет относить список его ко времени не позднее конца XVI в.⁹⁴

Но как же сочетать эту датировку с установленным ранее фактом наличия в составе Мусин-Пушкинского сборника Хронографа XVII в.?

⁹⁰ Н. М. Каринский. Мусин-Пушкинская рукопись Слова о полку Игореве как памятник псковской письменности XV—XVI вв. — ЖМНП, 1916, № 12, с. 211.

⁹¹ В. В. Виноградов. Исследования в области северновеликорусского наречия, вып. 1. — ИОРЯС за 1919 год, т. XXIV, 1922, кн. 1, с. 217—218; Орлов. Слово, с. 60—63; Обнорский. Очерки, с. 134—136.

⁹² Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.

⁹³ Единственное исключение — исследование Т. А. Сумниковой «Чудовский сборник XVI в. (Палеографическое и фонетическое описание)». (Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960).

⁹⁴ Выписки, сделанные Н. М. Карамзиным из повестей, окружавших «Слово» (Повести об Акире Премудром и Девгеннева деяния), убеждают, что повести эти были написаны в той же орфографической манере, здесь также встречаются написания *я* после *г*, *к*, *х*, (*Альрь*, *трьбники*, *многы*, *всякый*, *драгымь* и др.), во флексиях имен и глаголов встречается *ь* (*будеть*, *ркуть*, *умреть*, *обряцеться*, *постойть*, *всылеть*, *драгимь*,

3. О дате Мусин-Пушкинского сборника

Начнем с анализа свидетельств о дате Мусин-Пушкинского сборника, оставленных его «очевидцами».

В первом издании «Слова» сказано лишь следующее: «Подлинная рукопись, по своему почерку весьма древняя, принадлежит издателю сего,⁹⁵ который чрез старания свои и прозрбы к знающим достаточно российской язык доводил чрез несколько лет приложенный перевод до желанной ясности, и ныне по убеждению приятелей решился издать оной в свет. Но как при всем том остались еще некоторые места невразумительными, то и просит всех благонамеренных читателей сообщить ему свои примечания для объяснения сего древнего отрывка российской словесности».⁹⁶

Итак, издатели не решились указать дату рукописи, ограничившись лишь осторожным высказыванием, что по почерку она «весьма древняя». Что же касается трудностей, о которых сообщается далее, то ясно, что трудности эти возникли не столько при прочтении текста, сколько при переводе его, — не буквы, а смысл слов представлял для издателей наибольшие трудности.

Впоследствии, в 1813 г., после гибели «Слова», на вопрос К. Ф. Калайдовича — «На чем, когда и как она («Песнь Игорева», — *О. Т.*) писана?» — А. И. Мусин-Пушкин ответил уже иначе: «Писана на лощеной бумаге, в конце летописи, довольно чистым письмом. По почерку письма и по бумаге должно отнести оную переписку к концу XIV или к началу XV века».⁹⁷ Сохранилось два свидетельства о дате сборника, принадлежащие А. Ф. Малиновскому. Одно из них впервые сообщил Е. В. Барсов, приведший выдержку из письма А. Ф. Малиновского Н. П. Румянцеву: «Сие произведение российской словесности XII столетия, — писал А. Ф. Малиновский о «Слове», — издано было в 1800 году. . . с рукописи XVI века, принадлежавшей действительному тайному советнику графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину и почитавшейся единственною. Но как, при нашествии на Москву неприятеля, она сторела, то и не оставалось уже никакого убедительного доказательства для сумнящихся в подлинности сего сочинения и в существовании древнейшего образцового российского песнопевца Бояна».⁹⁸

Другое свидетельство А. Ф. Малиновского о дате рукописи было сообщено Д. Дубенским (см. выше, с. 147). Оно, однако, заслуживает меньшего доверия хотя бы потому, что является косвенным, и потому, что сделано 30 лет спустя после гибели рукописи.

Три свидетельства о дате сборника оставил нам К. Ф. Калайдович. В бумагах Р. Ф. Тимковского сохранился листок, на котором рукой Калайдовича было записано: «Н. М. Карамзин полагает, что Песнь Игорева

сукынь и др.); к оригиналу, несомненно, походят написания: *жемчужомъ, копа, ти-суца, колца, уноша* и др. Эти архаичные черты сохраниены П. М. Карамзиным, несмотря на отмеченную выше тенденцию к упрощению орфографии; в оригинале таких черт было, видимо, значительно больше.

⁹⁵ К этому слову сделано примечание: «Г. Действительному тайному советнику и кавалеру графу Алексею Ивановичу Мусину Пушкину. В его библиотеке хранится рукопись оная в книге, писанной в лист, под № 323». Далее следует перечисление памятников, входящих в состав сборника.

⁹⁶ Ирвичская песнь. . . , с. VII.

⁹⁷ К. Ф. Калайдович. Биографические сведения. . . , с. 35.

⁹⁸ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве. . . , т. I, с. 50. Этот текст опубликован по оригиналу (ГЛЛ, Румянцевский архив, ф. 225, п. 12, № 37) также Л. А. Дмитриевым: Дмитриев. История, с. 155—156. Между публикацией Е. В. Барсова и этим оригиналом имеется ряд существенных расхождений. Я привожу текст по публикации Л. А. Дмитриева.

писана не в конце XVI и не в начале XV века, но в исходе сего столетия».⁹⁹ Судя по окружающему контексту, запись сделана около 1814 г., следовательно, уже в это время кто-то называл конец XVI в. как возможную дату рукописи, и с ним полемизирует Карамзин («не в конце XVI»); другое возражение Карамзина относится, возможно, к мнению А. И. Мусина-Пушкина, датировку которого (конец XIV—начало XV в.), видимо, сообщил в беседе с Карамзиным К. Ф. Калайдович.

Второе свидетельство К. Ф. Калайдовича таково: «Типографщик Семен Аникеевич Селивановский говорил мне, что он видел в рукописи Песнь Игореву. Она написана точно в книге, как сказано в предисловии, и белорусским письмом, не так древним, похожим на почерк Дмитрия Ростовского».¹⁰⁰ Почерк Дмитрия Ростовского, как показали разыскания М. В. Щепкиной,¹⁰¹ — скоропись, типичная для XVII в., его трудно было принять за почерк XIV или XV в. Я попытаюсь далее найти объяснение этому странному противоречию очевидцев.

Третье свидетельство содержится в статье К. Ф. Калайдовича, опубликованной в 1818 г. Он пишет: «Что касается до почерка часто нами упоминаемой Песни и правописания оной, то первый, по свидетельству очевидцев, не восходит далее XVI века, хотя граф Мусин-Пушкин и относит оный к концу XIV или к началу XV столетия, и есть белорусский, имеющий свой особенный характер; а второе во многих словах, как то: *пѣлкѣ, вѣлкѣ, крѣвь, брѣзый, чѣти*, согласно с Лаврентьевским списком Нестора, пергаминным Новгородским летописцем и прочими древними рукописями. Подобное правописание приметно и в позднейшем издании Славяноросского лексикона Памвы Беринды, напечатанного в Киеве 1627 года».¹⁰²

Эти замечания К. Ф. Калайдовича интересны не только содержащимся в них отзвуком полемики о дате Мусин-Пушкинского сборника, они свидетельствуют и о другом: сколь неразвита была критика текста, палеография и лингвистика в начале XIX в., если существенные неточности мы находим даже у такого эрудированного и тонкого исследователя, каковым, несомненно, был К. Ф. Калайдович. Действительно, он сравнивает написание слов *пѣлкѣ, вѣлкѣ, крѣвь, брѣзый, чѣти* в «Слове» с Лаврентьевским списком летописи и Синодальным списком Новгородской летописи. Но Лаврентьевская летопись ни в части, занимаемой Повестью временных лет, ни в позднейших записях не знает такого правописания: в ней регулярно пишется *полкъ, волкъ, кровь*. Орфографическая манера Синодального списка совершенно иная, резко отличающаяся как от орфографии Лаврентьевской летописи, так и от орфографии «Слова»: здесь преобладают написания «старорусского» типа, т. е. с редуцированным перед плавным: *Святопѣлкѣ, Чърниговѣ, вѣбѣрѣѣ, напѣлнитися* и т. д. Что же касается «Лексикона» Памвы Беринды, то в нем действительно господствует орфография, традиционная для периода южнославянского влияния: *крѣвь, пѣлкѣ, молва* или *млѣва, чрѣвлѣнь, чрѣвень, врѣховный* и т. д.¹⁰³ Сопоставлять орфографию этих трех источников и сравнивать с ними орфографию «Слова», думается, нет оснований.

⁹⁹ Н. Полевой. Любопытные замечания. . . , с. 17.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ М. В. Щепкина. Замечания о палеографических особенностях рукописи «Слова о полку Игореве». (К вопросу об исправлении текста памятника). — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, с. 9—10.

¹⁰² Н е и з в е с т н ы й. Опыт решения вопроса, предложенного в Обществе любителей российской словесности. . . , о том, на каком языке писана Песнь о полку Игоря. . . — Труды Общества любителей российской словесности, ч. XI. М., 1818, с. 28.

¹⁰³ См.: Лексикон славянороський Памвы Беринды. Підг. тексту і вступна стаття В. В. Німчука. Київ, 1961.

Факт знакомства с рукописью «Слова» некоторых предполагаемых «очевидцев» остается в той или иной степени спорным.

Так, Ф. Я. Прийма убедительно доказал, что, вопреки утверждению И. П. Сахарова, Р. Ф. Тимковский не видел рукописи «Слова» и лишь пытался разузнать о ней через К. Ф. Калайдовича.¹⁰⁴ Мало надежен и источник сведений о том, что сборник видел известный палеограф А. И. Ермолаев.¹⁰⁵ В 1834 г. А. Глаголев сообщил следующее: «Что касается до почерка Песни о полку Игоря и правописания оной, то первый, по мнению некоторых очевидцев, есть белорусский, имеющий свой особенный характер, а по свидетельству покойного А. И. Ермолаева, видевшего рукопись до истребления ее в 1812 году, — есть полуустав XV века (о сем удостоверяет А. Х. Востоков, слышавший от покойного А. И. Ермолаева, — *примечание А. Глаголева*).¹⁰⁶

* * *

Мы видим, таким образом, что «очевидцы» колебались не только между различными датировками, но и между определением почерка — полуустав или скоропись, похожая на почерк Дмитрия Ростовского.

Но самое главное противоречие было уже намечено выше: это противоречие между датой хронографа, список которого не может быть датирован временем ранее первой четверти XVII в., и косвенно устанавливаемой — по палеографическим и орфографическим данным — дате списка «Слова» и сопровождающих его повестей, — эти данные указывают на время не позднее конца XVI в.

Единственное возможное объяснение было предложено еще Е. В. Барсовым и поддержано впоследствии А. С. Орловым: Мусин-Пушкинский сборник был конволютом, составленным в XVII в.¹⁰⁷

Но где именно проходила граница между разновременными частями сборника? Маловероятно, что к хронографу была приплетена «тетрадь» с повестями. По расчетам М. В. Щепкиной, текст «Слова» занимал в сборнике 9 листов,¹⁰⁸ а вместе с окружающими его повестями — около 20 листов. Существование отдельного сборника повестей листового формата — явление исключительное в книгописной традиции XV—XVI вв. Но допустимо другое: к хронографу был приплетен листовой же сборник исторического содержания, в который входили летопись (или отрывки из нее) и сопровождающие эту летопись «исторические» повести. Такой тип сборника, особенно для XVI в., весьма допустим,¹⁰⁹ и такой сборник вполне мог быть листового формата.

¹⁰⁴ Ф. Я. Прийма. Р. Ф. Тимковский как исследователь «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ. т. XIV. М.—Л., 1953.

¹⁰⁵ А. И. Ермолаев (1780—1828 гг.) был долгое время хранителем рукописей Публичной библиотеки.

¹⁰⁶ А. Глаголев. Умозрительные и опытные основания словесности, ч. IV. СПб., 1834, т. 24—25. Не подтверждаются слова М. В. Щепкиной, будто бы «в предисловии к первому изданию „Слова“ сказано, что долголетний сотрудник Публичной библиотеки, работавший над изданием русских летописей, А. И. Ермолаев, видевший рукопись „Слова“, считал, что она написана полууставом XV века» (М. В. Щепкина. Замечания. . . с. 7).

¹⁰⁷ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве, т. I, с. 65; Орлов. Слово, с. 51—52.

¹⁰⁸ М. В. Щепкина. К вопросу о сгоревшей рукописи «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ. т. XI. М.—Л., 1955, с. 43.

¹⁰⁹ Так, в списке ГПБ, собр. Погодина, № 1404а (второй половины XVI в.) за текстом Новгородской V и Псковской I летописей следуют Послание на Угру, Повесть о Диваре, Повесть о Казарше, а далее и Повесть о Митяе; в списках БАН, 16.3.2, за текстом Новгородской IV летописи следует Повесть о приходе Ивана IV на Новгород, и т. д.

Предложенная гипотеза находит три, правда косвенных, подтверждения.

Во-первых, напомним свидетельства А. И. Мусина-Пушкина: «Песнь» (т. е. «Слово») «писана. . . в конце летописи», и далее: в книге «под названием Хронограф, в конце найдено Слово о полку Игореве».¹¹⁰ К. Ф. Калайдович усмотрел в этих словах противоречие: «В первом и втором ответе сказано, что Песнь Игорева помещена в рукописи в конце Летописи (Хронографа), а в печатном издании оной, 1800 года, она следует после Синагрипа».¹¹¹

Да, А. И. Мусин-Пушкин, на строгий взгляд археографа, был недостаточно точен, но рассмотрим этот ответ как слова о ч е в и д ц а, для которого еще были свежи зрительные впечатления от погибшей рукописи. Книга именовалась «хронограф», но на лощенной бумаге, помнил он, была написана только вторая половина конволюта,¹¹² большую часть которой занимал текст летописи, поэтому-то А. И. Мусин-Пушкин и говорит «в конце летописи», хотя, строго говоря, между летописью и «Словом» находились еще две повести.

Во-вторых, теперь становятся объяснимыми слова С. А. Селивановского, а также мнение о «белорусском письме» (если только оно не восходит к тому же Селивановскому): С. А. Селивановскому мог зрительно запомниться именно почерк основной части сборника, а хронограф, разумеется, был написан «письмом не так древним» и, возможно, похожим «на почерк Димитрия Ростовского». При этом легко разрешится и другой недоуменный вопрос, как же Н. М. Карамзин, который, разумеется, без труда определил бы, что хронограф повествует о Смутном времени и, следовательно, не мог бы быть создан ранее XVII в., тем не менее датировал «Слово» концом XV в.: грань между двумя частями сборника была столь очевидна, что речь шла всегда только о втором, включающем «Слово», компоненте конволюта.

В-третьих, очень заманчивым кажется допущение, что мы имеем описание Мусин-Пушкинского хронографа в описи книг Ростовского архиерейского дома, из которых, согласно документам, три хронографа и одна степенная книга были переданы А. И. Мусину-Пушкину.¹¹³ Из описания следует, что первые две рукописи содержали Хронограф Дорорея Монемавсийского, и, следовательно, не могут отождествляться с Мусин-Пушкинским сборником; хронограф, значащийся в описи под номером 4, также отпадает — это хронограф, оканчивающийся «сказанием о взятии турками Царя града», т. е. редакции 1512 г. Отпадает и хронограф под номером 5. Судя по описанию, это скорее всего не хронограф, а выборка из него, предваряющегося, вероятно, статьей «А се имена градом всем русским дальним и ближним» (рукопись содержала «описание, какие города к какому княжению принадлежали»).

Но зато хронограф под номером 3 удовлетворяет всем признакам Мусин-Пушкинского. Приведу его полное описание: «Скорописного ж старинного почерку писма. Который начинается повествованием о создании

¹¹⁰ К. Ф. К а л а й д о в и ч. Биографические сведения. . . , с. 35 и 36.

¹¹¹ Н. П о л е в о й. Любопытные замечания. . . , с. 17.

¹¹² Напомню в связи с этим мнение М. В. Щепкиной, согласно которому — «лощенная бумага употребляется как в XV в., так и в первой половине XVI в., но не в XVII и не в XVIII веках» (М. В. Щ е п к и н а. Замечания. . . , с. 8).

¹¹³ Дело о высылке хронографов из ярославского архиерейского дома А. И. Мусину-Пушкину опубликовано по документу Государственного архива Ярославской обл. (ф. 232, оп. 1, д. 615) Л. А. Дмитриевым: см.: Л. А. Д м и т р и е в. История открытия рукописи «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.—Л., 1962, с. 426—429.

мира. Содержит священную Ветхого и Нового завета историю, в которую вмешивает различные сказания, и до светской истории касающиеся. Наиболее же описывает деяния императоров римских, потом же греческих, к коим приобщает по местам историю рускаго народа, начиная оную от пришествия в Новгород Рюрикава и продолжая до времен царствования Михаила Федоровича. Предлагает же везде те самые происшествия и обстоятельства, которые в прочих, напечатанных уже, историях и временниках русских, видеть можно. Сверх того, на конце сея книги особливо приданы две части описания времен княжения московского, земель, нравов и обычаев разных народов, Россию населяющих (кем сия книга сочинена, того в ней не означено).¹¹⁴

Прокомментируем это описание. Во-первых, любопытно определение «скорописного ж старинного почерку писма». Если это относится к тексту хронографа, то, значит, «старинным» мог называться в конце XVIII в. почерк XVII в. — наглядное свидетельство неточности палеографических определений того времени. Затем следует описание содержания хронографа XVII в., которое вполне согласуется с содержанием Распространенной редакции 1617 г. Но что значат слова: «Сверх того, на конце сея книги особливо приданы две части описания времен княжения московского. . .»? Не говорит ли это о том, что рукопись — конволют (неясны, правда, слова «две части»). И что понимать под словами: «. . . описания врмен княжения московского, земель, нравов и обычаев разных народов, Россию населяющих»? Если мы будем считать, что в Мусин-Пушкинском сборнике содержалась Новгородская летопись Младшего извода, то в начале этой летописи действительно находится описание земель, нравов и обычаев разных народов (т. е. вводная часть Повести временных лет), а далее подробно говорится о истории «времен княжения московского». Правда, здесь эти сюжеты названы в обратном порядке, и это несколько ослабляет доказательность моего предположения. Что же касается повестей, занимавших около 20 листов в конце летописи, то на них составители описания могли не обратить достаточного внимания.¹¹⁵ Итак, не есть ли данный хронограф — искомый Мусин-Пушкинский сборник со «Словом о полку Игореве»?¹¹⁶

Подведем итог. Наиболее вероятной представляется следующая гипотеза: Мусин-Пушкинский сборник представлял собой конволют: к Хронографу Распространенной редакции 1617 г. была приплетена другая рукописная книга, содержавшая летопись и сопровождавшие ее повести, в числе которых находилось и «Слово о полку Игореве». Эта вторая часть конволюта может датироваться временем не позднее чем конец XVI в.

В заключение скажу несколько слов о том, как соотносится гипотеза о сборнике-конволюте со скептическими взглядами на время создания «Слова». Думается, что она является едва ли не самым убедительным аргументом в пользу подлинности «Слова». Если бы А. И. Мусин-Пушкин

¹¹⁴ Там же, с. 428.

¹¹⁵ Любопытно, что в рассматриваемом документе содержатся значительные расхождения в указаниях на объем рукописей. А. И. Мусину-Пушкину были посланы хронографы: первый — на 570 листах, второй на 480, третий — на 429; согласно же описи, эти хронографы имели соответственно 590, 432 и 670 листов; однако пагинация Степенной книги (752 листа) в обоих случаях указана верно. Затрудняюсь объяснить это разноречие.

¹¹⁶ В опубликованной недавно статье А. В. Соловьева указывается иная версия происхождения Мусин-Пушкинского хронографа (из числа рукописей, проданных Иоилем А. И. Мусину-Пушкину), см.: А. В. С о л о в ь е в. Ростовские Хронографы и хронограф Спасо-Ярославского монастыря. — Летописи и хроники. Сборник статей 1973 г. М., 1974.

был бы столь лукав и проныцателен, чтобы суметь ввести фальсификат в подлинный сборник, то как бы он мог примириться с соседством столь компрометирующего древность рукописи (сам же заявив, что рукопись «весьма древняя») хронографа, который уже по содержанию своему не мог быть отнесен ко времени ранее XVII в.? Это бесспорное наличие позднего хронографа в «рукописи XIV века» убедительно говорит и о том, что в момент печатания «Слова» ему и в голову не приходила возможность пристрастного, недоверчивого отношения к «Слову», к дате рукописи или к древности входящих в нее памятников. Все это лишний раз говорит о безусловной подлинности «Слова» и категорически препятствует представлению, что издатели могли быть «авторами» «Слова» или хотя бы его редакторами.